

Василий ПЕСКОВ

С уважением
Василий!

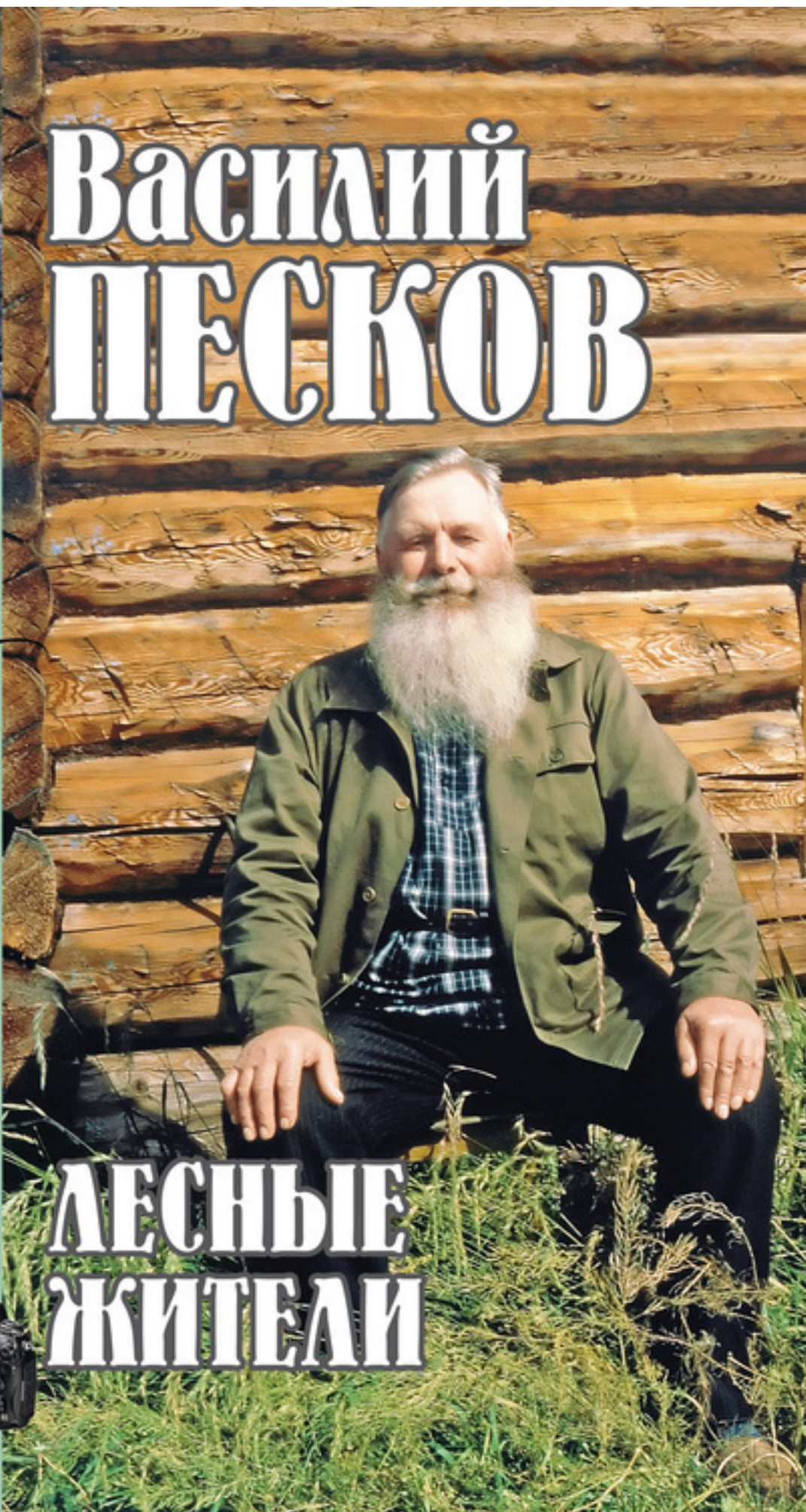
Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ЛЕСНЫЕ ЖИТЕЛИ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 23. Лесные жители**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 23. Лесные жители
/ В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда»,
2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-906-5

Этим томом, 23-м, мы завершаем собрание сочинений
известнейшего журналиста «Комсомольской правды», автора
легендарной рубрики «Окно в природу», писателя и телеведущего,
большого знатока природы Василия Михайловича Пескова.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-906-5

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	6
2005	8
Текущий к Дону Хопёр	8
Дела семейные	13
2006	17
Жар-птица	19
Неделя в Голландии	22
Таежный тупик	28
Дитя Валдая	39
Река течет и моет берега	43
«Еще дрожит листва осинки...»	46
Синяя Зуша	50
Его мало кто знает	54
2007	58
Любовь – Камчатка	60
Наперсток с хвостиком	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 23. Лесные жители

2005-2009

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Главная ценность в жизни – сама жизнь».
В. Песков

Предисловие

Вот мы и заканчиваем собрание сочинений Василия Михайловича Пескова. 2009 годом, хотя ушел он от нас в 2013 году. А рубрика «Окно в природу» выходит в «Комсомолке» каждую неделю до сих пор в память о Василии Михайловиче.

Почему 2009 год?

Мы много обсуждали с внуком Пескова Дмитрием, как быть. Ведь именно в том году произошло несчастье – у Василия Михайловича случился инсульт. В метро, он куда-то ехал и упал. Мы до сих пор не знаем, почему его отвезли в больницу как неизвестного, и внук, и мы его искали как могли.

Василий Михайлович поднялся. Он со всегдашним крестьянским упорством взялся за этот свой недуг. Сперва ясно мыслил, но плохо говорил, было видно, как слова просто не успевают за его желанием что-то сообщить, обсудить и даже пошутить.

Он блестяще загнал инсульт в угол. И начал работать. Но только оговорил условие: «Извините, друзья, я вряд ли что-то новое напишу. Но «Окно» будет выходить, это я вам обещаю. Возьму старые заметки, как-то соединю, подправлю...» И это было, как всегда, по-песковски честно. Он не мог без газеты, а читатели «Комсомолки» – без него. Так что сам он отмел остаток 2009 года и остальные годы до своего ухода как полноценные творческие. Скорее считал их рабочими, хоть и трудными из-за болезни. И низкий ему поклон за мужество, с которым он продолжал вести свою главную рубрику, разбирал архивы, фотографии, приходил в «Комсомолку».

Вот такой рубеж. И здесь мы мысленно все-таки не ставим точку, а скорее – многоготочие в его трудах.

Именно в эти последние несколько лет он стал думать о том, что и как будет «потом»...

Из Мордовии с помощью друзей привез на свою родину камень – на поле неподалеку от села Орлово под Воронежем.

Почему к этому полю? А в военном своем детстве ходил в окаймлявшие его рощи с мамой за дровами. Очень любил здесь гулять всю жизнь.

На камне попросил написать: «Главная ценность жизни – сама жизнь». Вы видите это на фото, открывающем эту книгу. И здесь, на поле, завещал развеять свой прах.

Наверное, впервые он подумал об этом, когда писал о Константине Симонове. Там есть абзац о том, что Симонов завещал развеять свой прах на поле под Могилевом, где видел в 1941-м бои, о которых рассказал в романе «Живые и мертвые».

Воля Василия Михайловича была исполнена. А на камне под словами о жизни появилась его подпись: «В. Песков». Так что вот есть теперь поле Пескова.

Именем его названы Воронежский государственный природный заповедник, школа, гимназия, библиотека и улица.

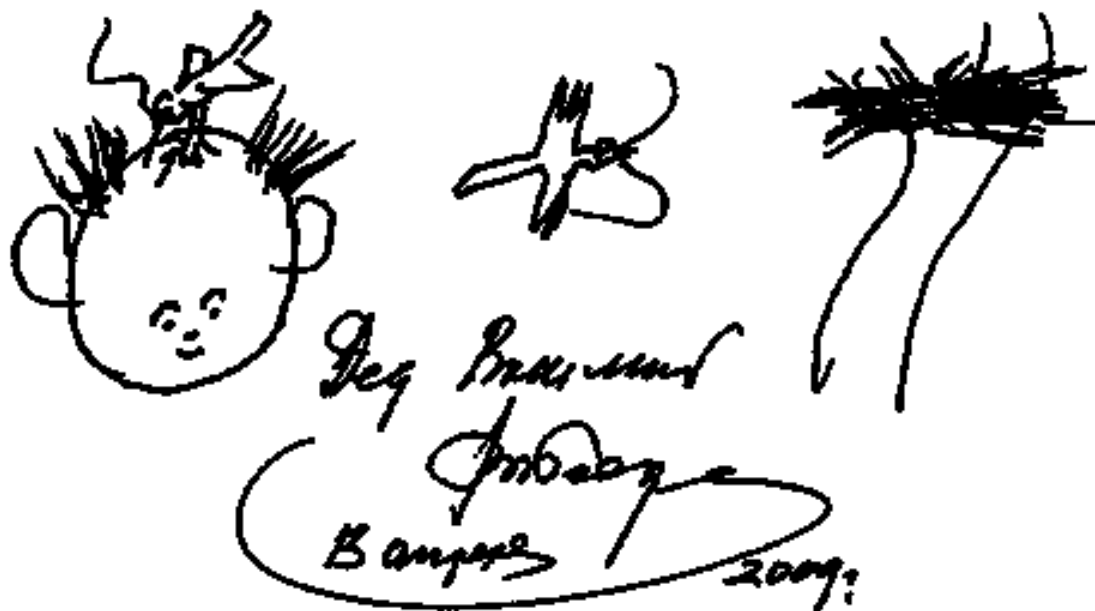
А всем, кто помнит Василия Михайловича и с удовольствием читает его книги, заметки – на прощание привет от него.

Вот так он надписывал книги лучшим друзьям: птичка, выющая гнездо из редееющих прядей с головы Василия Михайловича. Он сам изобрел этот забавный автограф!

Забавный, конечно, но и с бодрым подтекстом, как и все у Мастера: годы уходят, я-то лысею, но птица вьет гнездо, будут птенцы, значит, жизнь продолжается. Во всяком случае так однажды сам «дед Василий» сказал, выводя на очередной своей книге этот добрый рисунок...

Добра вам и удачи!

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

2005

Текущий к Дону Хопёр

Окно в природу

Минувшее лето выдалось безразмерным. Сентябрь был теплым, ясным и без дождливых дней – обычное лето перетекло в бабье. Сушь приглушила осенние краски, местами листва на деревьях не желтела, а жухла. Долго летели на серебристых нитях осенние паучки, шорох в лесу вызвала даже бегущая мышь, местами сушь, как в 72-м году, вызвала возгорание торфяников.

О летних днях приятно вспоминать, когда на дворе слякотно, когда лужи застекляются льдом и вот-вот полетят белые мухи. В сентябре посчастливилось мне побывать на Хопре, который очень люблю, по которому не раз плавал, но всегда хочется видеть Хопёр еще и еще – это одна из самых красивых рек Юго-Восточной России. Длина ее тысяча с небольшим километров. Потомок ледниковых вод, Хопёр течет по равнине, все время петляя, и почти в три раза превышает прямую линию от истока в Пензенской области до устья Дона.

Неспешная река.

Я знаю реку в среднем ее течении, где расположен недавно справивший семидесятилетие Хопёрский заповедник. Это место считают наиболее живописным на везде не скучной реке. Хопёр течет тут медленно, окаймленный пойменными лесами. Правый берег крутой,

весной вода его моет, обнажая корни деревьев. Время от времени дубы, клены, вязы и громадные (видел такие лишь на Юконе) тополя с серебристой изнанкой листьев падают в реку и лежат в ней годами, заставляя лодочников помнить об опасности наскочить на корягу. А левый берег низок, болотист, с ольховником, непролазной чащей подлеска и плотных высоких трав. На правом берегу в обрывах видишь норки птичек-береговушек, на левом – бобровые лазы и пенки «подрубленных» зверями деревьев. А глубже, в пойменных зарослях встретишь колонию цапель, редкое по нынешним временам и громадное гнездо белохвостых орланов. В подлеске прячутся олени, проходят незримыми тропами волки, у самой воды увидишь следы енотовидных собак. И живет тут таинственный древний зверек, «водяной крот» – выхухоль. Для спасения выхухоль и создан был заповедник. С этой же целью создавался заповедник в мещерском краю у Оки. Выхухоль законом природы, как видно, суждено вымирать – везде численность ее убывает. Но роль заповедников за эти годы возросла и умножилась. Охраняемые территории стали последним прибежищем лесной жизни, повсюду человеком теснимой и истребляемой.

Помню, в Воронежском заповеднике на вопрос, чем отличается он от заповедника на Хопре, директор Николай Николаевич Цесаркин сказал: «Воронежский заповедник – это опера, он строг, местами скучен, а Хопёрский уподобил бы я оперетте – веселый, живописный, в нем больше воды и живности тоже».

Мы плыли по Хопру, когда по берегам уже виднелись красновато-ржавые пятна вязов, жидкая предосенняя зелень ясеней. Вода в Хопре была тихой, зеркально-чистой. Переплывавший русло выводок кабанов нашей лодки нисколько не испугался. А потом реку неторопливо переплыл лось.

В небе, набирая кругами синюю высоту, летал орлан. Что видел он сверху? Светлую, шириной примерно в сто метров, ленту воды, степь за лесом правого берега, а по левой, низкой стороне – речные старицы и блюдца озер. В этих местах Хопёр ведет себя особенно вольно. Сверкающие летом на солнце озера (их тут около восьми сотен) во время паводка сливаются в одно общее море, оставляя лишь островки суши, на которых спасаются звери. Тут делают остановки весной летящие с юга на север птицы, а в недоступных для человека местах остаются прилетные журавли.

Однажды с лесником Егором Ивановичем Кириченко с бугорка у кордона мы наблюдали в низине, как еще глупая молодая лиса подбиралась к стайке голенастых и всегда чутких птиц. Нам было видно: журавли лису заметили и были уже начеку. Когда лиса, пластаясь по земле, подобралась уже близко, взлетели. «Вот дуреха, кого собралась обмануть!» – смеялся Егор Иванович. А вечером ту же лисицу мышиным писком мы выманили из лесу на опушку – подбежала к самой машине, не боясь даже зажженного фонаря.

Егор Иванович когда-то служил в авиации стрелком-радистом. «Но что-то стал заикаться. Какой из заики радист – ушел я шофером к геологам. Они много нашукали разных металлов, а я – радикулит. И вот теперь – в заповеднике». Однажды, подъезжая к кордону, я увидел Егора Ивановича стоящим на стогу сена в одних трусах и с биноклем. «Егор Иванович!..» Но друг мой, не отрывая бинокля от глаз, только махнул рукой – погоди! Потом он съехал наземь со стога, как съезжают мальчишки со снежной горки. «Понимаешь, Машу (жену) в деревню послал за бутылкой, но что-то долго она там ходит...» Веселый и добрый был человек.

На этот раз не увидел я ни Егора Ивановича, ни кордона, где во дворе когда-то ходили куры, индюшки, гуси и где в половодье на припеке собиралась прорва ужей. Памятником всему, что было, стояли в высокой траве лишь покосившиеся ворота, да еще дятел упорно долбил трухлявый ольховый ствол, под которым мы сживали с милым, веселым хохлом. Умер Егор Иванович.

Плывем дальше. Как и на всякой реке, есть тут места неглубокие, с быстринной, а есть и широкие бездонные плесы – прибежище местных лещей до пяти килограммов весом. Есть

в Хопре и крупные щуки, и тучные сазаны. Сомы поймали однажды в восемьдесят с лишком килограммов. И есть, конечно, тут окунь, плотва, язи. Пишут: было когда-то рыбы в Хопре немерено – «возами шла на продажу». Особенно славились местные сазаны. Михаил Александрович Шолохов, завзятый охотник и рыболов, любил ловить сазанов, но ловил не в Дону, а специально приезжал на Хопёр, становился лагерем вблизи теперь исчезнувшего хуторка. Об этих семейных вылазках на Хопёр рассказывал мне сын Шолохова Михаил Михайлович. «Самым завзатым рыболовом в команде была мать. Если не позовут к завтраку, утреннюю зарю могла растянуть до обеда. Отец лишнего ловить не любил, но однажды за утро вытащил из Хопра дюжину сазанов. И крупных. Рекордная его добыча – сазан в двадцать пять килограммов».

Есть на Хопре новость. Появился тут травоядный гигант – толстолоб. Дальневосточная эта рыба завезена была в водоемы с буйной растительностью и нигде, кроме Каракумского канала, не нерестилась. Еда ее – всякая мягкая зелень воды. Растет быстро, и к осени, перед залеганием в ямы, вегетарианец набирает изрядно жира. Как попали эти рыбы в Хопёр, неизвестно. Считают – с весенними водами из прудовых хозяйств. По всем законам толстолобы в этой реке не должны размножаться. Ихтиологи на этом настаивают. Но рыбаки возражают: откуда ж рыбешки с палец, с ладошку? Крупные рыбы держатся стаями у поверхности и своими набегами пугают на ямах робких лещей и «смущают всякую рыбу».

Те самые толстолобы.

Ловить толстолоба удочкой очень непросто, но приспособляются. Для наживки опробованы пучки водорослей, листики клевера, ломтики огурцов, помидоров, всякие каши. Надежнее всего оказался горох – пареный и зеленый. На крючке большие, до двадцати кило-

граммов, рыбы ведут себя буйно – рвут лески, ломают удилища. «Непутевая рыба», – сказал бывалый здешний удильщик.

Мы с воронежским другом Александром Елецких даже не попробовали покуситься на толстолоба, но попросили здешнего лесника Александра Викторовича Дорошенко попытаться поймать хотя бы одного – нам для съемки. Представьте себе, поймал! Ночь сидел на Хопре, а утром нас разбудил: «Идемте к реке – на кукане ожидают вас толстолобы». Ну, конечно, мы, как звери, накинулись на эту готовую опрокинуть нас в лодке добычу...

Доплыли по Хопру мы до славного «Нью-Хопёрска», то есть до Новохопёрска, бывшего когда-то большой станицей, куда с Дона приплывали баржи и пассажирские катера. Тут у Хопра правый берег возвышается, как гора. Поднимаясь с лесником по тропе лесом, высоту берега мы почувствовали. Внизу, в синевших и тронутых желтизной лесах, светлела лента Хопра, небольшая лодка виднелась комариком на воде. Тишина была оглушительной. Летевшая с высокого берега сойка, увидев нас, уронила желудь, и мы видели, как по воде побежали круги. Неторопливо и тихо Хопёр утекал к Дону.

• Фото автора. 3 ноября 2005 г.

Дела семейные

Окно в природу

Нас умиляют животные, у которых наблюдаем упорядоченную семейную жизнь, кажется, в ней присутствует то, что в человеческих отношениях называют моралью. Увы, животные существуют по своим разнообразным законам, продиктованным не моралью, а целесообразностью выживания каждого вида в привычных условиях. И чаще мы видим ситуацию, когда самец с окончанием брачных встреч никакого участия в судьбе потомства не принимает. Характерный пример – медведи. Тут дело доходит даже до каннибализма. Взрослый медведь, встретив весной медведицу с медвежатами, норовит задавить малышкой и сожрать. Мать таких встреч избегает и отчаянно малышкой защищает, если нападение все-таки состоялось. Любопытно, что самец может быть малышам и отцом, им неведомым. То же самое наблюдается у леопардов. А сильный лев, посягнувший на жизнь самца в своеобразной семье (прайде) сородичей, убив соперника-льва, убивает и малышек. И львицы покорно принимают нового повелителя. У слонов самка выращивает малыша без отца. Почуввав беременность, она покидает возлюбленного и возвращается в материнскую группу, где самцов нет. Но воспитывать слоненка ей помогают «тетушки».

Не участвуют в воспитании детворы самцы гаремных животных, например, оленей, где самый сильный удерживает возле себя нескольких самок, все заботы ложатся на матерей. То же самое – у морских котиков. Рожденный детеныш оказывается в большом стаде молодняка. Уплывающая кормиться в океан мать в этом галдящем сообществе по голосу находит своего сосунка. Самки, участвующие в брачных играх тетеревов, глухарей, перепелов, коростелей, удаляются после них к гнездам, и птенцы вырастают только при материнской заботе. Этот порядок является законным для многих птиц.

Но есть животные, заключающие брачный союз на сезон выведения птенцов. Тут токования выявляют способности к семейной жизни каждого из партнеров. Ритуальные подношения подруге еды – рыбок, лягушек, жуков или даже просто палочек – у некоторых птиц выявляют готовность самца к воспитанию потомства. Результат смотрин иногда заканчивается синхронным криком, означающим заключение нерушимого союза семейной жизни по крайней мере до возмужанья потомства. Этот «торжествующий крик любви» хорошо наблюдается у журавлей.

Образцовые семьянины – верность на всю птичью жизнь.

Исключительно важное значение имеет он у пингвинов. Императорские пингвины в Антарктиде выводят птенцов в экстремальных условиях – на льдине при морозах пятьдесят градусов и сильном ветре. Продолжение рода у этих прекрасных бескрылых созданий возможно только при верности друг другу в супружеской паре, когда одна птица на много дней уходит кормиться к воде за десять и более километров и непременно возвращается к партнеру, чтобы сменить его на родительском посту сбереженья потомства.

Как действует этот союз, я несколько раз наблюдал и в колонии цапель. Гнездо у птиц построено кое-как. Но никогда, ни на минуту оно не остается без присмотра. Цапля с него взлетит, только когда с охоты к гнезду возвращается другой родитель. У некоторых видов цапель дело доходит до ритуала «сдал-принял гнездо» – одна из птиц передает другой в клюве веточку. Только по приеме этого «документа» второй родитель может лететь.

Совместное воспитание потомства характерно для многих животных, особенно тех, кому непросто добывать корм. Вместе кормят птенцов многие хищные птицы – орлы, ястребы, соколы. Сбиваясь с ног, парой кормят птенцов и мелкие летуны – скворцы, воробьи, соловьи, дрозды, ласточки. У крупных хищников наблюдается «матриархат». Дело отца – приносить корм, отдавать его самке, и она уже делит его меж птенцами или съедает сама.

Крупные долгоживущие птицы тяготеют друг к другу. И хотя на зимовку (проверено радиослежением) улетают иногда порознь и часто разными путями, родное гнездо весной заставляет их встретиться, и совместная жизнь продолжается. При избытке корма некоторые птицы, например зимородки, заводят две-три семьи и, неустанно охотясь, помогают подругам «поставить на ноги» малышей. И никаких «моральных» проблем не возникает. Такой порядок вещей для этого вида животных выгоден.

Семейный союз на время воспитания потомства наблюдается и у крупных животных. В Африке на глаза постоянно попадают кабаны-бородавчники и члены всего семейства: мать – впереди, малыши – цепочкой – за нею, и строй замыкает папаша. Его дело следить: не отстал ли кто-либо и нет ли опасности. Все члены семьи не теряют друг друга из виду благодаря прутикам длинных, поднятых вверх, как антенны, хвостов. При опасности семья стремится к убежищу, вырытому в земле. Мамаша и малыши катятся вниз рылом вперед, а папаша пьтится задом, выставя наружу хорошо вооруженное рыло – попробуй сунься!

Особые случаи. Отсутствие семьи и лишь частичную заботу о потомстве демонстрирует нам множество видов кукушек, кладущих яйца в чужие гнезда. У большинства рыб

заботы о потомстве либо нет совершенно, либо она ограничена лишь краткосрочной заботой (охрана икры и мальков сомами, забота о кладках икры у лососей). Большинство же рыб обеспечивают сохранение потомства сверхобильным отложением икры – кто-нибудь выживет! Рекордсменами в таком воспроизводстве себе подобных являются огромная неуклюжая рыба-луна и треска.

Но есть и у рыб исключения. Африканская тиляпия три-четыре десятка икринок инкубирует в своем объемистом рту, а потом все в тот же рот при опасности собирает в первые дни их жизни мальков. А рыба колюшка строит гнездо для икринок, причем делает это самец.

Иногда семейные отношения принимают курьезные формы. В Африке я много снимал колоритных птиц-носорогов. Они небоязливо садятся на спинки стульев в придорожных харчевнях, у нашего лагеря в Ботсване носороги дежурили с восходом солнца, ожидая подачек возле костра. Свое же гнездо и обитателей в нем эти птицы ревниво оберегают. Подругу, сидящую в дупле на кладке яиц, самец замуровывает, оставляя в летке отверстие для передачи пищи. И затворница, наверное, удивилась бы, если б супруг забыл ее как следует огородить от опасностей.

Там же, в Африке, у самых крупных на земле птиц – страусов семейная жизнь тоже очень своеобразна. Яйца в общее гнездо на земле кладут сразу несколько самок, а насиживает, чередуясь с самцом, только одна. Бурого оперения птица, положив на землю перед собой шею (отсюда легенда: «прячет голову в песок»), сидит днем, поскольку менее заметна, чем одетый в черное самец, а он на гнезде сидит ночью. Еще одна неожиданность – воспитание птенцов. Их водит папаша либо кто-то другой из «мужчин». И права на это добиываются в совсем не ритуальных сраженьях. Происходит это потому, что сохранить выводок в саванне, где много всякого рода хищников, может только сильная, нетрусливая птица. В Калахари мы столкнулись с таким вожаком, когда вышли из машины проветриться. Страус бросился к нам с безрассудной отвагой. И первым пострадал бы член экспедиции орнитолог, профессор Владимир Галушин. Но преградила путь разъяренному страусу провололочная ограда дороги. Страусят мы не видели, но явно они были где-нибудь рядом, и судьба их беспокоила ревностного охранника-воспитателя.

И, наконец, скажем о животных, у которых семейные отношения похожи на человеческие. Супруги сохраняют верность друг другу не только в сезон размножения, а всю жизнь – ревнуют, сокрушаются, если теряют партнера. К таким животным, как ни странно, относятся волки (их потомки собаки качества семьянинов утратили). Однажды выбрав друг друга на ристалище, где волки-самцы состязаются в беге (а иногда в дело пускают и зубы), волк и волчица сохраняют семейные узы всю жизнь. Я знаю случай, когда волчица рвала мясо для своего уже «съевшего зубы» более старого друга – волк жертву умело гнал в нужное место, а волчица ее приканчивала. Привязаны на всю жизнь друг к другу галки, долгоживущие гуси и лебеди, о чем расскажем особо.

И в заключение беседы коротко о птице, которая занимает орнитологов уже лет тридцать. Живет она на затерянном в океане к востоку от Австралии острове Новая Каледония. Местным туземцам эта красивая серебристо-белая, с большими пестрыми крыльями птица своим поведением известна давно. Европейские орнитологи обратили на кагу (название птицы) внимание, когда на острове этих птиц осталось всего шесть десятков. Повинны в убыли колонисты, поселившиеся в Каледонии вместе с собаками, свиньями, кошками. До этого никаких врагов у славных кагу не было, и летать они разучились. Это обернулось бедой.

Как водится, начали кагу спасать, и сейчас численность птиц достигла пяти сотен. Привлекла внимание орнитологов особенная социальная организация этих пернатых, и сейчас кагу в животном мире называют образцовыми семьянинами. Всю жизнь (до сорока лет) семейная пара спаяна в крепкий союз – ни размолвок, ни ссор, ни измен. Один раз в год наси-

живают поочередно одно яйцо. А птенца начинают кормить сразу несколько птиц. Когда их поместили, то обнаружили: это более ранние дети все тех же родителей. Взрослеют они лишь в девять лет, а до этого помогают выхаживать младших сестер и братьев. Такое поведение замечено было и у других птиц, но лишь на короткое время. А тут – девять лет! Образцовым семьянином названа кагу вполне заслуженно.

- Фото из архива В. Пескова. 1 декабря 2005 г.

2006

Жар-птица

Окно в природу

Первый раз увидев фазана, я сразу подумал: вот откуда сказочное название жар-птица. Это был живой фейерверк красок: багряная, золотая, белая, зеленая с отливом металлической синевы. Птица словно бы сознавала свою красоту – стояла, подняв голову и задрал длинный, сходящийся в острие хвост. Глаз невозможно было оторвать от перелива ярко звучащих красок...

Вот эту троицу снимал я недавно в пасмурный день на фоне палой прошлогодней листвы. То, что было бы солнцем усилено, лишь намекало на звучность красок. И все равно фазаны были очень красивы в своем наряде.

В птичьем мире роскошные убранства носят самцы. Самки – серые и неприметные. Им, выводящим птенцов, на гнезде такими природой и предписано быть. Парад красок демонстрируют петухи. У куриных птиц – тетеревов, глухарей и фазанов – это особо заметно. Фазаны – птицы южные. Их родина Средняя Азия, Прикаспий, Кавказ, Дальний Восток, Китай. Но уже много столетий фазаны живут и в Южной Европе – путешественники не могли не привезти это чудо на запад.

Фазаны очень робкие, осторожные птицы – «мышей боятся», везде хорошо прижились. Кое-где их разводят почти как кур, а охотники, выпуская в уголья, где тешатся с ружьями, обрели хороший объект охоты.

Я видел фазанов в природе на исконной их родине, вблизи казахской Алма-Аты. Там в зарослях камыша, терновника, ежевики и сплетениях непролазной травы то и дело слышишь характерный издаваемый петухами с металлическим оттенком крик, какой слышишь, когда косу точат грубоватым брусом.

Видеть фазанов там приходилось нередко, когда они резво перебежали дорогу. Крепкие ноги их носят по земле ничуть не хуже дроф и страусов. Бегут, спешат нырнуть в колючки травяных джунглей, куда никакая собака за ними пролезть не может. Но случается фазана охотнику прищучить там, где не спрячешься. Тогда он взлетает. Полет у него характерный – по крутой горке вверх, с криком и хлопаньем крыльев. Но летун он плохой – с верхней точки планирует вниз, в крепи. На этой траектории ружейная дробь его настигает.

Даже при дожде они сказочно привлекательны.

Желанный объект охоты! Но продвижение фазанов из южной зоны в края снегов и морозов успехом не увенчалось. Холода эта птица перетерпеть может – была бы пища. Но ее зимой мало. А фазанам нужны ягоды, семена, насекомые, лягушки, ящерицы. Подкормка, даже и аккуратная, не спасает. Азартные ружейники опускаются до примитивной стрельбы: выпускают на волю фазанов, выращенных в неволе, и на другой день бродят в угодьях с собаками в надежде, что где-то взлетит...

Однажды в Южном Казахстане, заметив, куда, планируя, опустился фазан, я с осторожностью подобрался к поляне и увидел на ней, как пасется матёрый петух. Время от времени, поднимая голову и прислушиваясь, он рыл землю большим крючковатым клювом – вытягивал съедобные корешки. Но упруго выпрямился, увидев, что рядом сел шмель. Бросок головы в сторону, и вот крупное насекомое в клюве птицы. С явным удовольствием фазан добычу свою проглотил и огляделся: нет ли чего еще? И тут он увидел меня. Фррр!.. Испуганный крик с металлическим скрежетом, и нарядная птица исчезла.

Фазанов несколько видов. И петухи в них – один краше другого, о чем говорят и названия: золотой, серебряный, алмазный и много других. Для любования созданы эти птицы. Из-за плохого умения летать разные виды фазанов в природе редко смешиваются. Но помогает этому человек, переселяя их в другие места. Генетически птицы эти не различаются. Гибридизация дает жизнестойкое потомство, умножая разнообразие красок в перьях. Старик Брэм, любуясь фазанами, опускал руки: «Все оттенки красочного их наряда описать невозможно».

Особой сообразительностью ни в дикой природе, ни на птичьем дворе (китайцы фазанов разводят, как кур) эти птицы не отличаются. Обычный петух в курятнике – интеллектуал рядом с ними. А что касается птиц врановых – ворон, воронов, сорок, галок и соек, – то это просто мудрецы рядом с пугливыми нарядно одетыми фазанами и заклятые их враги. Фазаны знают этих врагов – похитителей их птенцов и яиц из гнезда. Кроме птиц врановых, убавляют число фазанов луни, ястребы, канюки, филины. Лисы, шакалы, одичавшие кошки, зная повадки фазанов, тоже берут свою дань, оставляя нарядным птицам возможность спастись, только соблюдая предельную осторожность и умение спрятаться там, где враг, находясь даже рядом, не может заставить фазана покинуть убежище в плотном кустарнике и травяных кре-

пях. Ни силой, ни хитростью защитить себя фазан не умеет. Задора у петухов хватает только на драки друг с другом в весеннюю брачную пору.

Фазаны не любят большие массивы леса. Излюбленные их места – кустарники с редкими деревьями и рощицы, где можно на ветках устроиться на ночлег. Они оседлы, но, полагаясь на крепкие ноги, любят в избранном месте «по странствовать», прислушиваясь к любому подозрительному звуку. От истребления спасает их еще и высокая плодовитость – десять – двенадцать (у некоторых видов и восемнадцать) яиц в гнезде! В конце первой недели после вылупления из яиц нарядно-пестрые малыши уже перепархивают. И, хотя до возраста взрослой птицы доживает менее трети, все же фазаний род превратности жизни не пресекают. Встреча с фазаном во дворе или в дикой природе заставляет сразу вспомнить жар-птицу из сказки.

• Фото из архива В. Пескова. 4 мая 2006 г.

Неделя в Голландии

Окно в природу

Отвоеванное у моря

Французы говорят: «Всем народам землю подарил Бог, а голландцы землю добыли сами».

В местечке близ Роттердама музейщики нам показали любопытную «живую» карту. На ней обозначены нынешние очертанья страны. Нажатие кнопки – и на экране мы видим, с чего Голландия начиналась: море воды на месте нынешних городов, поселений, лугов и пашен. Суша – только на юге.

За жизненное пространство голландцы начали борьбу более семисот лет назад – осушали сначала болота, обнажая двухметровые толщи торфа, и постепенно шаг за шагом, год за годом стали отвоевывать землю у моря.

Вода – сильнейшая из стихий. Мощь ее непомерна. А человек поначалу выступал с лопатой и тачкой. Отсыпал камни в основание дамб, наращивал их землей, армированной прутьями лозняка, рыл канавы для стока воды. А как отвести воду в магистральный канал, идущий к морю? Для этого приспособили мельницы. С одного горизонта на другой передавая друг другу, днем и ночью они поднимали воду. Бывали случаи, она возвращалась при натиске с моря, и все начинать приходилось заново – семьсот лет непрерывно длилась эта работа. Сначала у моря отнимались небольшие заливы, потом приблизились к дюнам, лежавшим по всему фронту морской воды и не дававшим ей изливаться в низины. Но цепь песчаных наносов сплошной не была. В таких местах люди стали строить дамбы. Огромных затрат и усилий требовала эта работа. Но от моря отгородились, а воду из-за ограды в море стали откачивать первоначально с помощью все тех же мельниц.

Бесконечную войну с водой пришлось к тому же вести на два фронта. Затопляло землю не только море, но и с юга большие разливы Рейна. Пришлось искусно регулировать (опять же с дамбами и каналами) всю огромную дельту большой европейской реки. А за века война с водою стала философией жизни голландцев. С детства человеку внушали опасную близость воды. Помню школьный хрестоматийный рассказ о мальчике, который, увидев, как вода прососала щель в дамбе, заткнул ее пальцем и стал звать взрослых к месту грозной опасности. Учительница рассказала нам, что это было в Голландии, которой вода всегда угрожает. В этой легенде заключена мудрость жизни: каждый голландец должен усваивать с детства опасность воды.

Старинный маяк на взморье.

В музее, где наглядно показано противостояние человека водной стихии, нам рассказали: «водная община» в ранние годы становления страны могла виновника порчи дамбы строго наказать, не дожидаясь суда. Так велика ответственность людей за приращение суши и предупреждение наводнений.

И сегодня ведомство по контролю за водами – одно из самых важных в стране. «Регулирование воды на этих равнинах уподобить можно виртуозной игре на скрипке», – сказал нам седовласый гидролог. Наводнения бывают. В истории Голландии есть случай, когда вода была использована как оружие против врагов. На грани XVI – XVII веков восемьдесят лет голландцы воевали за независимость страны с испанцами. И победили. Любопытен эпизод в долгом противостоянии врагам. Город Лейден, окруженный дамбами, был обложен войском испанцев, решивших взять осажденных измором. Спас лейденцев герцог Вильгельм Оранский. Он решился пробить в дамбе брешь, и вода устремилась в низину, где расположен город. Голландцев, привыкших к натискам наводнений, это не испугало, а испанцы в панике разбежались, дав возможность людям Вильгельма Оранского по потокам воды подойти к городу на ладьях и передать осажденным селедку и хлеб.

Герцог после победы в долгой войне предложил лейденцам награду за стойкость: или освобождение от налогов, или учреждение в городе университета. Лейденцы предпочли университет. Помните, на первых школьных уроках физики упоминается «лейденская банка»? Опыт по электричеству с этой банкой проводился в том самом Лейдене. А тут, в Голландии, я узнал: герцога Оранского чтут как «отца нации», а лейденцы, помня, каким способом находчивый человек доставил осажденным продовольствие, 3 октября каждого года устраивают праздник, главное угощение на котором – хлеб и селедка. Промоины в дамбах у Лейдена, конечно, засыпаны. Но коварство воды проявляется постоянно, несмотря на исключительное умение голландцев справляться с норовом этой стихии. За семьсот лет тут случилось двадцать катастрофических наводнений. Два последних – недавно. Февральское наводнение 1953 года унесло 1800 человеческих жизней, разрушило много построек и все же было укрощено. Очень большим было декабрьское наводнение 1995 года – тысячи людей и много скота вывозили из зоны бедствия.

«А что вы думаете о возможном повышении уровня океана в связи с потеплением атмосферы?» Два человека на этот вопрос ответили одинаково: «Не боимся! У нас накоплен огромный опыт в войне с водой. Важно просто не упустить время и задействовать весь арсенал технических средств».

Мелководье первыми обживают гуси.

Эти средства тут велики. Мельницы-водокачки сейчас отдыхают, услаждая видом своим взоры голландцев и сотен тысяч туристов. Но работает постоянно двадцать тысяч мощных насосных станций, оберегая отвоеванную у моря сушу.

Земли (польдеры), бывшие дном моря, плодородны и используются с эффективностью, какой не знает никакая другая страна на земле. Оно и понятно. Каждый лоскут пашни отвоеван тут ценой громадных усилий и средств – плохо вести хозяйство на них нерасчетливо и грешно. Если бы люди вздумали установить памятник за трудолюбие, место ему – в Голландии.

Война с морем тут продолжается. На севере мы видели, как сооружается очередная дамба. Одна за другой на морском мелководье появляются баржи и по заданной линии сыплют камни. Потом будут сыпать на камни песок. «Фронтные», непосредственно соприкасающиеся с морем дамбы представляют собой внушительные сооружения. На них есть постройки, по ним в обе стороны мчатся автомобили и отдыхают после полетов чайки.

Две трети Голландии лежит ниже уровня моря, а треть была когда-то морем. Сейчас на польдерах, разливенных большими и малыми каналами, выращивают овощи, сеют хлеб, пасут коров и овец. Это завоевание, которым люди вправе гордиться.

Ветренный край

Ветряная мельница – зрительный символ Голландии. Приезжающий в эту страну повсюду обязательно мельницы видит. Фотографы возле них изводят километры пленок. Мельница – и памятник старины, и торговая марка, и пример сочетания функциональности с красотой, поэтический знак единения человека с природой. В отличие от заводских труб мельницы не загрязняют воздух, красота пейзажа от них только выигрывает.

Изобрели мельницы водяные и ветряные в поисках силы, способной помочь человеку в делах житейских. Считают, ветряные мельницы появились сначала в южной части Европы (предположительно в Греции) и быстро распространились повсюду. Поначалу они представляли собой кирпичные, похожие на огромные бочки сооружения с крыльями. С такими мельницами в Испании сражался известный литературный герой. Во Франции такую же древность я видел в Провансе близ Ниццы. Писатель Проспер Мериме удалялся для трудов своих в мельницу, ставшую теперь музеем, ее показывают туристам как национальную ценность. Еще две ветряные мельницы-«бочки» видел я в центре Франции. Это и все, что тут осталось от некогда многочисленных мукомольных сооружений. Четыре древнейшие мельницы сохранились в Голландии. Они выглядят неуклюжими рядом с легкими, высокими, изящными ветряками «голландской архитектуры». От кирпичных строений тут отказались почти везде по причине хлюпкости грунта – тяжелые ветряки кособочились, падали. Голландцы стали строить на прочных фундаментах мельницы деревянные. А часто бревенчатым был только остов, а бока и подвижная «шапочка» мельницы крылись аккуратно подстриженным тростником, который всюду тут под рукой. Кажется, мастера состязались – чья мельница будет краше. Сооружения для прозаической работы имеют изящные формы, изрядную высоту и походят на сухопутные корабли, которые ветер, не двигая, заставляет работать их легкие крылья, снаряженные полотняными парусами.

Благодаря постоянству ветров на здешних приморских равнинах мельницы, было время, заполнили страну, выполняя множество разных работ. И поныне тут можно увидеть мельницу-мукомольню, мельницу-лесопилку, мельницу-шерстобитню, выжимальщицу масла из семян льна и репейника. Мельницы перетирали древесину для производства бумаги, дробили дубовую кору, потребляемую кожаным производством, мололи пряности, привозимые кораблями с Востока. Но главным назначением ветряков была откачка воды с низменных территорий. Этой работой было занято девяносто процентов всех мельниц. Вертелись крылья их днем и ночью.

Конструкция мельниц совершенствовалась непрерывно. Считают: первый ветряк в Голландии появился в 1260 году, а пик численности мельниц приходится на XVII век – девять тысяч! На старинной картине (я посчитал специально) в поле зрения художника попало сразу 27 мельниц. Силуэт Амстердама в те годы определяли мельницы. Им Голландия обязана зарождением в разных местах промышленных зон.

С приходом времени пара и электричества спрос на энергию ветра резко понизился, и повсюду мельницы постепенно исчезли. Но не в Голландии! Тут они стали частью истории, культуры, эстетики. Поныне тысяча мельниц не просто сохранилась, но поддерживается в рабочем состоянии. А некоторые и работают – мелют зерно, пилят лес. Все вместе они представляют собой историческую ценность, сохранившуюся только тут, в Голландии.

Фамилия Мельников самая распространенная в мире после фамилии Кузнецов. Нам показали местечко вблизи Роттердама, где, передавая потомкам умение управлять ветряками, жило десять поколений мельников. Сейчас профессиональных мельников нет. Но повсюду созданы «мельничные союзы». Их члены поддерживают на мельницах порядок, чинят ветряки, следят за рабочим их состоянием. Кое-где на мельнице можно купить муку «ветряного помола», открытки, сувенирные книжки...

Мы с Максимом Синицыным побывали на мельнице-лесопилке и мукомольне в городке Утрехте. Сооружения эти высотой с трехэтажный дом построены так, чтобы возвышаться над городом – «ловить ветер».

Двухъярусные эти строения имеют по окружности пояс с перилами, на который можно подняться и глянуть на всюду открытый равнинный пейзаж, но, главное, проникнув «с крылечка» во внутренность ветряка, можно увидеть, как работает его мощный, далеко не простой механизм.

При хорошем ветре (а в Голландии он хороший всегда!) «королевский» вертикальный вал мельницы вращается со скоростью 120 оборотов в минуту. Излишек давления ветра можно убрать, уменьшая холщовую парусность крыльев или рычагами включить деревянные колодки тормозов, работающие по такому же принципу, как и тормоз в автомобиле. Но надо следить, чтобы от трения древесина не перегрелась и не случилось бы возгорание. Во избежание этого применяется смазка. Ею служит нутряное свиное сало. Шматки его висят под крышею каждого ветряка.

Для работы крылья мельницы повернуть надо ветру навстречу. В одних конструкциях поворачивается весь корпус постройки, в других – лишь «шапочка» мельницы, несущая вал, на котором крепятся крылья. Система управления мельницей доведена до четкости механизма часов. Тут есть рычаги, педали и нечто вроде штурвала на корабле. Вековой опыт установки крыльев в нужное положение выработал даже своеобразный язык, которым мельники сообщают что-либо друг другу и всем, кто мельницу видит. Устанавливая крылья так или иначе, можно сказать: «Меня нет, но скоро вернусь», «Мельница временно не работает». Особое положение крыльев объявляет о трауре в доме мельника или, напротив, о каком-нибудь торжестве. Во время войны положением крыльев мельники передавали английским летчикам заранее оговоренным сигналом важные сведения, сообщали антифашистскому Сопротивлению о возможных облавах. А во время национального праздника мельниц, во вторую субботу мая, как пишут, «вертится все, что может вертеться». Глянув на карту, заметишь: значками помеченная тысяча ветряных мельниц рассыпана по пространству небольшого равнинного государства. Но есть места, где значки нарисованы кучно. Вблизи Роттердама сохранилась «ассоциация» из девятнадцати мельниц. Зрелище их, стоящих возле канала, удивительной красоты. Когда-то они осушали низину, подавая по ступенчатой цепочке воду в магистральный канал. Сейчас воду везде откачивают электрическими насосами, а мельницы стоят без работы. Но все они в полном порядке и продолжают служить Голландии, привлекая массу туристов. И все-таки содержать тысячу ветряков для государства накладно, и все это уникальное мельничное хозяйство (есть тут на юге и 80 водяных мельниц) передано Голландией в фонд мирового культурного наследия.

Ветры в Голландии сейчас пытаются использовать для получения новой энергии. Повсюду, особенно на севере страны, постоянно видишь шеренги высоких бетонных башен, на которых высоко подняты трехлопастные генераторы электричества. Их называют тут тоже мельницами. В одной шеренге я насчитал полторы сотни уходящих за горизонт «мельниц». Энергия ветра – экологически чистая, но «башни» обходятся дорого, и «ветряное электричество» составляет лишь два процента от всего, что дают разного рода электростанции. Задача: выйти на семь процентов.

Старинный строй мельниц-водокачек.

С Голландией мы прощались, проезжая к аэропорту на поезде. По обеим сторонам от дороги виднелись поселки то с колокольной, то с мельницами, вращением крыльев говорившими кому «До свиданья!», а кому – «Здравствуйте!».

• Фото автора. 8 – 22 июня 2006 г.

Таежный тупик

Течение жизни

В позапрошлом году Еринат переходили мы вброд. Это было непросто даже для людей опытных. В этом году река вскрылась поздно, половодье на ней было бурным – Еринат вернулся в прежнее русло, вода неслась с бешеной скоростью, катила камни, подмывала деревья по берегам. О переправе вброд нечего было и думать. Вертолет сел на каменный островок, и мы, почти не замочив ног, перебежали к ожидавшим нас на берегу трем людям: Агафье, Ерофею и незнакомому парню, как оказалось, три дня назад пришедшему сюда, одолев по тайге сто пятьдесят километров.

В то утро на Байконуре ракету «Протон» с важным космическим грузом провожали Путин и Назарбаев. Через восемь с половиной минут после старта ракета прошла над хозяйством Агафьи, сбросив отработавшую свое вторую ступень. Летчики и специалисты природнадзора полетели по точкам собирать образцы растений и грунта, на которых могли остаться следы ракетного ядовитого топлива. (Попутно скажем: этот многолетний контроль пока никаких результатов не дал – с высоты в тридцать километров, как и просчитывали специалисты, частицы топлива второй ступени в атмосфере, видимо, «растворяются».)

Рис. Агафьи.

Река-кормилица.

Только что закончилась работа на огороде.

Мы прилетели утром, а вечером должны были вернуться в Саяногорск и спешили живущих на Еринате обо всем, что было тут с прошлого лета, как следует расспросить.

Как всегда, какое-то время заняла переноска в гору гостинцев и упаковок с продуктами, которые из Абакана сопровождал Анатолий Мордакин. Запас этот сделали загодя на пенсионные деньги Агафьи работники лесного хозяйства Вера Алексеевна Зайцева и Николай Николаевич Савушкин. Николай Николаевич ранее непременно сам прилетал, по-хозяйски определяя нужды Агафьи. Но болезнь теперь мешает ему летать, и он лишь письмо с приветом приложил с грузом.

После разгрузки и первых приветствий начались расспросы о новостях и обо всем, чем жили таежники. Жизнь текла тут медленней, чем течет Еринат. Все новости связаны с тем, что приносит к приюту людей тайга. Событием главным был приход в апреле (сразу после берлоги) медведя. Голод привел его ночью прямо во двор к избушкам. «Все грядки, проклятый, поистоптал», – сокрушалась Агафья, показывая, как близко от избы ходил зверь. Интересовали голодного медведя козы. Больше всего наследил он около их загона, но вломиться в закрытую дверь не решился. Напуганная Агафья после той ночи везде поразвесила красные тряпки-«пужала» и наготове держит ружье, чтобы вовремя «дать выстрел».

Рис. Агафьи.

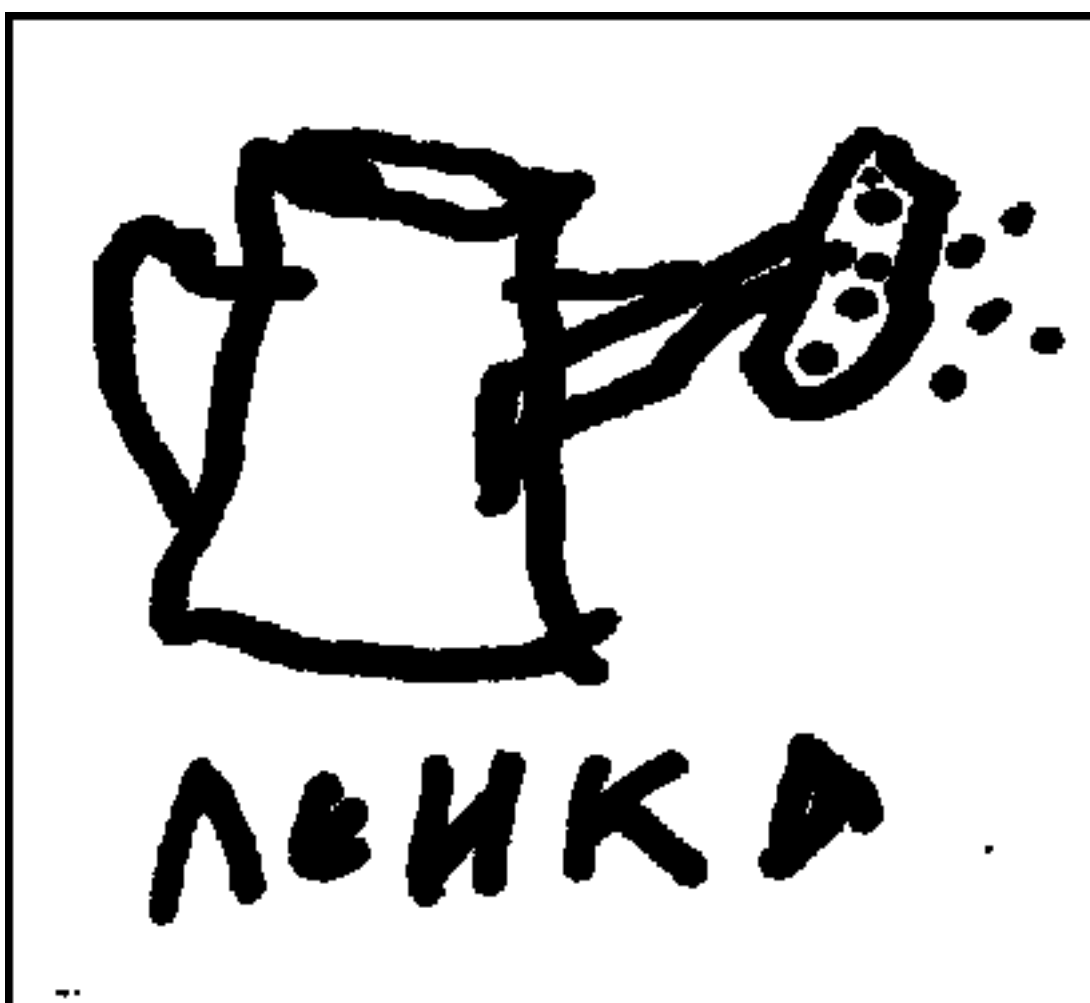

Рис. Агафьи.

Зимой забредала сюда любопытная, ни на что не покушавшаяся рысь. Видели тут однажды и росомуху, живущую выше леса, близко к гольцам. Прямо к оконному стеклу избушки, где живет Ерофей, прибегал соболь, а однажды к тому же месту близко подошла маралуха. Бывалый охотник схватил ружье, но стрелять, однако, не стал – «во-первых, тут теперь заповедник, во-вторых, в день Пасхи не хотелось проливать кровь». В пик половодья по Еринату несло и какого-то зверя – не то лося, не то марала, «а может, корягу – в сумерках не разглядели».

В капкан, поставленный на вредную норку, попал панически оравший кот, и в такой же капкан угодил пес Протон. Кот оклемался, а Протон неожиданно околел. Агафья уверена: от какой-то болезни, а Ерофей мрачно бросил: «Кормить надо было как следует – на картошке да на перловке кто угодно ноги протянет». Но Агафья держалась своих наблюдений: болел. И, боясь заразы, собаку сожгла. Теперь в хозяйстве ее пять коз, одиннадцать кур и избыточно много – семь полудиких кошек.

Время показало – самой нужной «скотиной» оказались тут козы. К молоку Агафья привыкла, но готовить сено на пять голов и негде, и сил уже нет. «Раньше, бывало, и днем, и ночью готова была работать, теперь же ночь не посплю – днем ни к чему не пригодна». По-прежнему Агафья упрекает жившую тут пять лет «прихожанку» Надежду. Считает, что, удалившись «в свою Москву», она ее предала. Одной Агафье живется трудно: огород, заботы о сене для коз, дрова, ловля рыбы... В шестьдесят с лишним лет эти дела изнуряют. С Ерофеем союза нет. Живут не то что недружно – почти враждебно. Агафья временами ему пеняет: «Пошто со мной не говоришь?» Ерофей же, считая ненужным затевать ссору, махнет рукой и запрется в своей избе. По-прежнему забота его – заготовка дров. Но какво это делать зимой человеку с одной ногой, таскающему поленья к жилью в мешке. «Я тут временный!» Снабжает Ерофея харчами сын, а пенсию отец откладывает, чтобы купить где-нибудь в деревеньке избу. Агафья же таежное свое пристанище покидать не желает. Да и куда податься? Молодому поколению родни она почти что чужая, и самой житье «в миру» в тягость. «Тут и уму», – как-то сказала мне в ночном разговоре.

Вот почему она обрадовалась появлению тут человека, пешком одолевшего сто пятьдесят километров таежных дебрей.

– Родион Побойкин, – представился он. И я с большим любопытством выслушал рассказ 28-летнего человека о таежной его одиссее.

К староверчеству Родион отношения не имеет. Работал в городе пекарем, потом строителем. Увлёкся походами по тайге. И вот решил «проверить себя в путешествии одиночном». Вышел 31 мая с рюкзаком весом в тридцать пять килограммов. Соль, спички, нож, компас, карта. Еда: рис, вяленое мясо, крупа, хлеб, масло, мед были в его поклаже.

– Очень ведь рисковали...

– Да, не один раз пожалел, что затеял этот поход. На десятый день буквально был в одном особо непроходимом месте: «Ну зачем я иду! Разве это мне обязательно нужно?!» Но взял себя в руки и вот дошел.

Старая избушка. Теперь подсобная.

– Опасности были?

– А как же. С медведем столкнулся. Вот так же был от меня, как вы сидите. Минуты четыре топтался, принохивался, снизу наискосок поглядывал на меня. Я испугался, конечно, но, слава богу, не побежал, и медведь скрылся. Другая опасность – река. О том, что жилье уже близко, я догадался по старым ловчим ямам и по следам топора на деревьях, сделанным Лыковыми. И вышел к реке. Увидел и ужаснулся течению. Но нечего делать, решился Еринат переплыть. Одолеп, но едва не разбился о скалы. Вечером у костра обсушился, а утром был уже тут.

Путешественник выглядел исхудавшим, измученным. Все со мной прилетевшие зашептались: «Какой-то непутевый авантюрист, что тут ему нужно?» Но Агафья была приветливой и, видимо, уже прикинула, что странник ее не обьест, а работа ему найдется.

Нехитрый скарб и инструменты Лыковых.

Бинокль Агафье понравился.

После беседы о новостях обошли мы с Агафьей ее «усадебку». На всем лежала печать неужоженности – огород был вскопан только на четверть, в кучи свалено все, что привозили сюда в подарок. Не было креста на могиле Карпа Осиповича. «Сгнил. А новый поставить часа не нахожу», – объясняла Агафья, грустно потупившись. Козы, до которых медведь не добрался, с надеждой, что их покормят, упирались рогами в оконце.

Занимал Агафью привезенный мною бинокль. С любопытством разглядывали мы склоны гор за рекой. На темном фоне кедров и елей свежей зеленью выделялись косички берез. В одном месте крутого склона серой полосой тянулся вниз след старого камнепада, а выше и влево где-то скрывалась избушка, в которой Лыковы тайно жили тридцать два года.

– Что там сейчас?

– Не ведаю. Последний раз была там два года назад. Огород зарос березами толщиной уже в руку. В избу, по следам было видно, забегал соболь. Разные другие звери безбоязненно ходят рядом с избой. Кабаргу сама видела. Все тайга постепенно съедает...

На том месте, где обретается сейчас Агафья, почти ничего от прежней жизни семьи не осталось. Я видел лишь берестяные туески, старинный ковшик – подарок Агафье матери, да какую-то вышивку сестры Натальи. Все остальное – пришло «из мира»: резиновые сапоги, свечи, ведра, кастрюли, одежда, бочки, часы, мотки проволоки, инструменты... Особняком раньше стояла избушка почти сказочной малости, только без курьих ножек. Под ее крышей в 45-м году Агафья родилась. Потом изба более тридцати лет пустовала. Какой-то охотник позже, разобрав ее и опилив сгнившие по углам бревна, сделал себе зимовье, крошечное и продуваемое ветрами. Все же Карп Осипович с дочерью решились сюда перебраться – очень уж нравилось Лыковым это местечко на солнечном склоне горы. «Они же замерзнут в этом жилище!» – позвонил мне Николай Николаевич Савушкин из Абакана. Когда я тут появился, уже стучали вовсю топоры, и к холодам ребята – лесные пожарные – соорудили избу крепкую и просторную. «Храмина! – гладил бревна старик. – Жить бы да жить!» Но недолго пришлось ему радоваться. Вскорости заболел и умер, оставив Агафье в наследство все, что удалось переправить сюда из убежища на горе. Я успел тогда снять на пленку все, чем пользовались Лыковы в таежном своем хозяйстве. И теперь вот, порывшись в фотоархиве, обнаружил я снимки вещей, какие редко теперь увидишь: сапоги-бродни, старые лыжи, подбитые камусом, всякого рода посуда из бересты, примитивная прялка времен царя Петра Первого, светец для лучины, мотыги, источенные ножи, нательный крест с резными письменами по кедровой древесине...

Точило.

С Ерофеем союза нет...

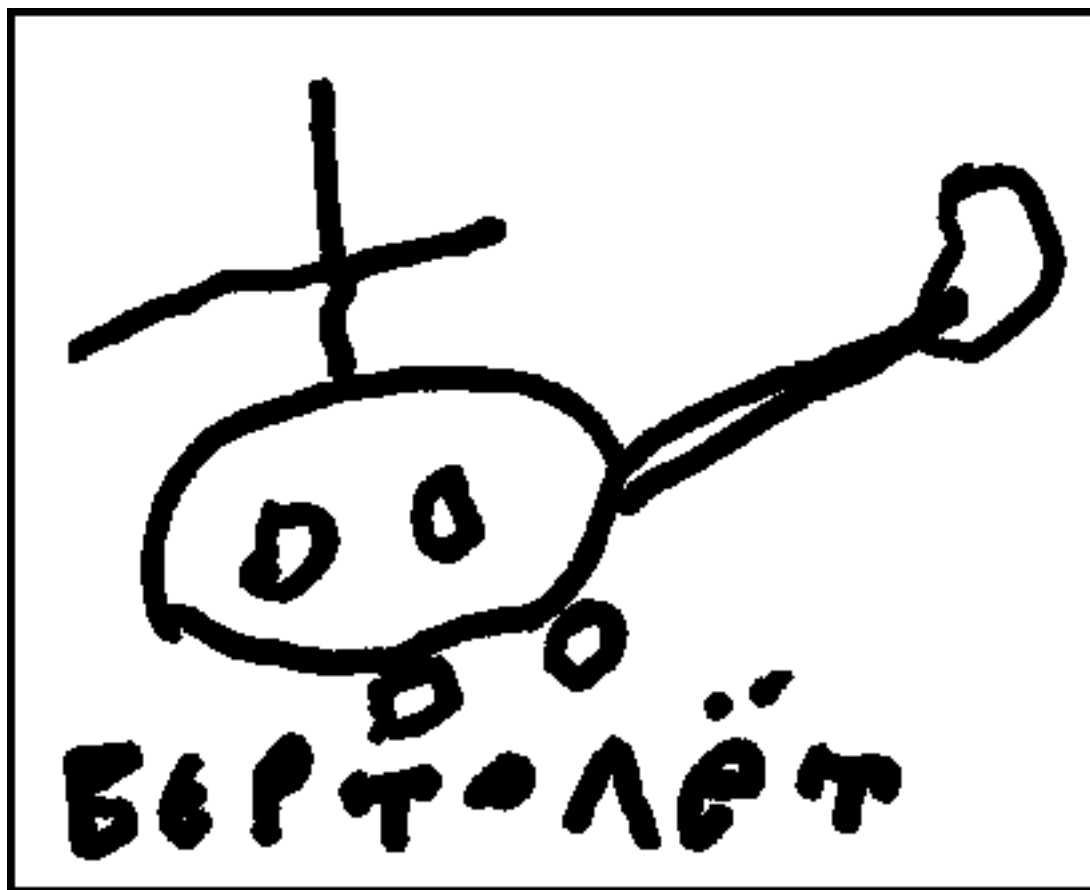

Рис. Агафьи.

Последним «памятником старины» в нынешней «усадьбе» была уже описанная избушка. Но в этот раз реликвию, приспособленную для жилья коз, я не увидел. Коз Агафья переселила в свежий небольшой сруб, а избенка пошла на дрова...

С Агафьей мы вспомнили кое-что из прежней их жизни. И в блокнот мне, как обычно, сделала с десяток своих рисунков.

Таково течение жизни у Ерината. Ерофей раз в неделю по маленькой рации связывается с сыном и ждет часа, когда сможет покинуть это ставшее немилым ему местечко. А Агафья рада тому, что кто-то к ней сюда прилетает, кто-то прошел по тайге. Что будет дальше? Об этом она, разумеется, думает. Но ответа на этот вопрос не знает – «Что Бог даст...» В суматохе прощанья у вертолета мы лишь посулили ее не забыть и чем можем помочь.

Читает Агафья с удовольствием.

• Фото автора. 6 июля 2006 г.

Дитя Валдая

Окно в природу

Любую реку мы видим в разных местах, и, конечно, она не везде одинакова. Почему-то особенно интересно, стоя у большой полноводной реки, знать, с чего и как она начинается. Я помню, как тридцать пять лет назад, отыскав исток-колыбельку маленькой Усманки, на которой прошло мое детство, прошел две недели берегом с посошком до места ее впадения в реку Воронеж. Уже проживая в Москве, съездил к истоку Волги, к истоку Оки, а этим летом с друзьями мы на «газике» залетели в края, где рождается Днепр. Мы готовились к этому часу и везли с собой широкую, почти двухметровую доску из благородного дерева с резными буквами «Тут начинается Днепр».

И вот смоленские земли, город Сычёвка, следы исчезнувших деревенек на скудной земле. Осталась на дороге в полста километров только одна с собачьим лаем, криками петухов, с дымами из труб – Бочарово. Селеньице тоже, как говорится, на ладан дышит – покосившиеся избы, кучи исковерканного железа когда-то служившей техники и на околице горы бревен – неведомые селянам люди тягают отсюда еловый лес.

Встретил нас местный библиотекарь Алексей Кузьмич Феоктистов, живущий бобылем с матерью. Старушка рада была гостям, и хотелось ей свой край похвалить: «Места у нас славные, тихие, трясений земли не бывает». С сыном ее безмолвно, с грустной улыбкой мы переглянулись – старушка не видит, не хочет видеть все убивающую разруху. «С погодой вам повезло – доедете почти к колыбели Днепра. Брызни дождь – пришлось бы семь верст сапогами глину месить. Храни вас Бог и спасибо, что заглянули в наши места».

Лесом минут через двадцать подъезжаем к истоку. Равнинное место. Но это Валдай, южные его склоны, где начинаются три знаменитые реки – Волга, Днепр и Западная Двина. На карте их хвостики синеют вблизи друг от друга, а текут реки в разные стороны, и у каждой своя судьба.

Здесь в 41-м году была знаменитая Соловьёвская переправа.

Углубившись с заросшего мелким березняком поля в сосняк, увидели мы болотистую поляну. Среди нежной майской зелени кустов и водяных трав сверкало зеркальце чистой воды. Это и было началом Днепра. Обнажив головы, с минуту мы постояли, наблюдая, как по синему водному зеркалу медленно плыли белые облака, как куковала кукушка в чаще, как свистели и щелкали два соперника-соловья, как, пугаясь пришельцев, прыгали с кочек в воду лягушки. Такой была колыбелька Днепра.

Мы не первые сюда пожаловали. Уже многие лета паломники приходят поклониться истоку знатной реки. Кое-кто стремился как-то отметить место. В результате возле болотца-истока поставлены деревянные шатровые башенки, скамейки, беседка, сооруженная украинцами часовня с иконкой и с текстом на двух языках, призывающим беречь «великую реку». Все тут пришло кому-то в голову выкрасить в ярко-синий цвет, превращавший знаки памяти в ярмарочную суету. Свою доску мы решили ставить не сразу, а чуть поразмыслив и вспомнив кое-что о Днепре.

Многие думают: Днепр исключительно «украинская река». Но, глядя на карту, видишь – лишь половина Днепра протекает по южным равнинам, а верхняя часть его течет по России и Белоруссии. И именно тут, в лесных, богатых влагой местах, принимая многочисленные притоки справа и слева, Днепр становится многоводной, третьей по величине после Волги и Дуная рекой.

Древность жизни возле Днепра подчеркивает его названия у разных народов. Днепром называют его украинцы, Борисфеном («текущим с севера») называли Днепр греки, Дана-присом – римляне, Узу – турки.

Днепр с притоками представляет собой ветвистое дерево, объединяющее по оси ствола своего славянские народы. Центром этого братства был Киев, стоящий как раз в среднем течении.

Веками Днепр с притоками был водной дорогой с юга на север, главной частью знаменитого водного пути «из варяг в греки».

А начинается этот поныне жизненный поток воды с ручейка, текущего из болота. Надо пройти отсюда лесами шестьдесят километров, прежде чем у сельца Нахимовского можно увидеть на Днепре первую лодку. А потом пойдут лодки и катера, теплоходы, мосты, пристани, паромные переправы, селенья по берегам, и потом – города, города – маленькие и большие, среди которых на карте увидим Смоленск, Могилев, Киев, Черкассы, Днепропетровск, Запорожье, Канев, Херсон. Речные притоки синими жилами льются к Днепру, сообщая ему все большую мощь – Сож, Припять, Десна, Псёл, Ворскла...

Памятный знак у Истока.

В верхнем лесном течении Днепр скромн и тих. Всегда тихими были тут и молитвы, песни, поклоны Днепру. Другое дело места, где река становится сильной и величавой, где от нее зависит многое – транспорт, утоление жажды, сельское хозяйство, рыболовство, получение электричества. Тут издавна Днепру поклонялись как божеству, называли его Славутичем («сыном славы»). Днепру посвящали сказания, песни, слагали стихи и писали картины. Вспомним знаменитые холсты Куинджи «Ночь на Днепре» или «Степь» с черточкой орла в небе, с малиновым цветом степных растений и текущим в знойном мареве дня Днепром. Вспомним восторг Гоголя – «редкая птица долетит до середины Днепра...» И строчку Тараса: «Рече та стогне Дніпр широкий...» И во все времена, как и многие реки, Днепр служил рубежом стычек и местом сражений в великих войнах. Самые значительные из них в человеческой памяти, в документах и песнях не позабыты – «Кто погиб за Днепр, будет жить в веках...»

После поражения у Курска в 1943 году немецкое воинство надеялось закрепиться на кручах днепровского правого берега и остановить лавину уже обретших крылья Победы защитников нашей земли от захватчиков. Обе стороны понимали значение разделявших две силы водной преграды. Немцы назвали днепровскую линию обороны Восточным валом. А Красная Армия была способна решительно сокрушить этот вал.

Много написано о сражении на Днепре, много героев войны получили Золотую Звезду за то, что, не щадя жизни, стремились на правый берег. И победили. Сражение было великим. Языком Гоголя можно сказать: вода в Днепре кипела от взрывов и текла красной от крови.

И было еще одно сражение на Днепре двумя годами ранее – в 41-м. Решалась судьба Смоленска, который всегда считали ключом к Москве. Город был обречен, но надо было так измотать наступавших, чтобы ослабить главный удар. Наши войска дрались почти в окружении. Снабжение их проходило по переправе через Днепр у селения Соловьёво. Именно это место стало самой драматической точкой в смоленском сражении. Можно вообразить, что было тут в горьком июле 65 лет назад – сотни повозок, автомобилей, тягачей, пушек, ящи-

ков со снарядами и патронами, продовольствием, тысячи людей плотной нетерпеливой массой сбились на левом берегу Днепра. Переправу непрерывно бомбили и поливали свинцом висевшие над рекой «мессершмитты» и «юнкеры». С юга и севера по реке давили сухопутные силы фашистов. Дело доходило до стрельбы прямою наводкой по переправе. Сколько тут полегло, не знает никто. «Это был ад», – рассказывала мне жительница Соловьёво Мария Андреевна Мазурова.

27 июля синие стрелы немецких ударов на картах сошлись. Днепровская переправа оказалась в руках у врага. Это означало полное окружение дравшихся у Смоленска армий. Теперь переправляться надо было уже на левый, восточный берег. Но предстояло отбить у врага переправу... Больше недели вертелась мельница смерти у Соловьёво. С 4 на 5 августа измотанные боями, но сохранившие честь и знамена две наши армии, перейдя Днепр, соединились с основными силами фронта...

Я побывал на этом месте Днепра. Река у Соловьёво неглубока – ребятишки, как видите, вброд ее переходят. В Москве в тот же год разыскал я Веру Ивановну Салбаеву – участницу решающей схватки за переправу. «Да, тихо и ласково течет Днепр, – сказала Вера Ивановна, глядя на снимок. – А тогда все кипело и висело на волоске. С криком «За мной!» я поднялась как раз в этом вот месте с пистолетом в руке. А в нем, страшно сказать, не было уже ни одного патрона».

Вера Ивановна прошла войну до Берлина. Переправлялась через Днепр уже в 43-м году начальником связи в поезде маршала Жукова. Имеет двенадцать наград. Разглядывая ее ордена, я спросил, какой ей дороже. «Вот этот, за Днепр...» И заплакала.

Все это я вспомнил у костерка в стороне от истока, когда варили обед. Тут и решили: доску в знак посещения Истока поставить шагах в двадцати от места, названного колыбелью Днепра. Спилили мы на опушке сосну, ошкурили и прочно вогнали в землю столбы, укрепив на них из Саранска привезенную доску. Было нас четверо: саранские мужики – мастер-реставратор Анатолий Яковлевич Митронькин, его шофер Владимир Косынкин, давний мой спутник, редактор «Муравейника» Николай Старченко и я – журналист «Комсомолки».

После съемки на память сходили мы попрощаться с Истоком. Вернувшись к машине, оглядели доску со стороны и порадовались, что обошлись без многословия: «Тут начинается Днепр».

• Фото автора. 20 июля 2006 г.

Река течет и моет берега

Окно в природу

В прошлом году плыли мы с внуком на теплоходе по Оке к Нижнему Новгороду. В городке Павлово заглянули в музей, где хранятся изделия металлостов старинного поселения. Оглядев причудливые замки, ножи, хирургические инструменты, в коридорчике к выходу я заметил неожиданный экспонат – на скамейке лежал череп животного с огромными рогами, случайно обнаруженный на дне Оки.

Расспросили. Оказалось, это был череп тура. Жители Павлова Ежовы – Борис Николаевич и племянник его Александр – возвращались с охоты, и на середине реки у лодки заглох мотор. Неаккуратно положив ружье наверху лодки, дядя с племянником взялись за починку. В какой-то момент лодка качнулась, и ружье булькнуло в воду. Глубина Оки была тут изрядная. Соорудив нечто вроде «кошки», охотники стали царапать дно в надежде ружье зацепить. Провозившись до вечера, готовы были уже тронуться к дому, как вдруг «кошка» что-то тяжелое потянула. Но ружьем это не было. Сначала подумали: обломок обросшего ракушками якоря. Но, к удивлению ловцов, это был череп с внушительными рогами. Ясно было, что пролежал в воде он долго и, возможно, был вымыт когда-то из берега поворотом реки.

Голова тура, пролежавшая в Оке тысячу лет.

Находке обрадовались в музее. Обратившись к специалистам, определили: череп принадлежиттуру. Крупные эти быки когда-то обитали в здешних местах.

Такие подарки реки приносят нам постоянно. В прошлом году газета писала о находке на Дону у села Щучье. Там подмывавшая берег река обнажила огромный дубовый челн, пролежавший, как оказалось, в воде, а потом и в пластах берега четыре тысячи лет. Сейчас

челн в качестве ценного экспоната радует посетителей Центрального исторического музея в Москве. Я обратил внимание на эту древнюю лодку (и съездил на место ее находки), когда с друзьями из Саранска и Пензенской области передавал музею сарматский меч, который вымыла из берегового обрыва речка Большой Чембар.

Можно перечислить много музейных ценностей, подаренных нам берегами больших и маленьких рек. И на Оке найдено их немало. Вот этот кованый рыболовный крючок был найден на отмели близ Касимова. А в местечке чуть выше Старой Рязани на правом берегу и ныне кто хочет может отыскать вымываемые ракушки, пролежавшие тут 150 миллионов лет. И почти там же в 1966 году московские школьники обнаружили в подмытом рекой обрыве кости мамонта. Находку привезли на телеге к археологам, копавшим землю у валов древнего окского города, и переправили потом в Москву во Дворец пионеров.

Вернемся к черепу тура. Не так давно туры жили на больших пространствах в Европе, в Северной Африке, Малой Азии и на Кавказе. И были животными многочисленными. О красоте и силе этих черных, с огромными рогами быков сохранились преданья и даже записки. Туров боялись волки, и не каждый охотник с копьем решался выйти на тура. Таким молодцом был князь Владимир Мономах, правивший в Смоленске, Чернигове, Киеве. В записках своих Мономах оставил красноречивую строчку: «Тура два раза меташа меня на розях (рогах) и с конем».

Кости туров нечасто находят в древних стоянках людей. И все же, скорее всего, именно люди извели «строптивых быков». В Северной Африке они исчезли четыре тысячи лет назад, а в болотистой Месопотамии – две с половиной тысячи. В Европе держались дольше. И хотя тут считают животных лесными, туров в них, скорее всего, оттеснили охотники. Изначально жили они в лесостепи. Места, по которым течет Ока, были самыми подходящими для туров. Летом паслись они в одиночку и малыми группами, а зимой сбивались в стада. Численность их неуклонно сокращалась везде. В Европе дольше всех они держались в лесистых Литве и Польше. Последний тур исчез тут в 1627 году. Мономах мог охотиться на быков примерно около тысячи лет назад, и этим временем можно датировать жизнь приокского тура, череп которого можно увидеть в музее Павлова.

С директором музея Николаем Борисовичем Федотовым мы снимали останки тура в том месте Оки, где недавно они были подняты из воды.

Судьба предков домашних животных неодинакова. Живут на воле дикие прашуры яков. Сохранился волк – предок собак. У свиней – дикий кабан, склонный якшаться с ожиревшими бледнотелыми своими потомками. Биологам изредка попадаются на глаза остатки диких верблюдов. Родоначальники куриного племени, как и тысячи лет назад, живут в лесах Индии. Домашние цесарки ничем не отличаются от диких, обитающих в Африке. Вольные гуси, пролетая над стаей домашних, понимают их крики. Дикие индюки спариваются с домашними «индейскими курами». Страусы, живущие на фермах, ничем от диких не отличаются. У кошек живы в лесах Европы их предки. А вот туры исчезли. Но они оставили о себе многоликую память. Крупный рогатый скот, мясной и молочный, – потомок вымерших туров. Путем селекции люди вывели много разных пород коров и быков – наследников тура. Одомашнивание началось, по-видимому, в разных местах обитания туров. Малыши, взятые на воспитанье, к жилищу хорошо приживались и оставались с людьми. Не исключено, что «домашние туры» стали конкурентами диких на пастбищах и свечка их предков погасла.

Находки на отмели.

Сейчас быки и коровы обликом напоминают, конечно, вольных предков своих. Иногда даже очень на них похожи. Есть породы коров, в которых немедленно узнаешь туров. Таков серый украинский скот. А в Венгрии в заповеданной Хартобадьской степи оберегаются древней породы быки и коровы, которых легко принять за чудом сохранившихся туров: стройные, норовистые, с высоко поднятой головой и рогами, они обликом ближе к предкам, чем к нынешним быкам и буренкам. На огромные рога этих созданий привинчены шары – обезопасить тех, кто случайно столкнется с наследником не только мощи тура, но и его драчливого нрава.

• Фото В. Пескова и из архива автора. 10 августа 2006 г.

«Еще дрожит листва осинки...»

Окно в природу

«А помню, у нас в Осинке...» – так друг мой, редактор хорошего журнала с хорошим названием «Муравейник», начинал рассказ о деревне, где вырос. Рассказывал о доме, о саде, о речке Осинке, где года в четыре он обнаружил в прозрачной воде пескарей и где научился плавать. Рассказывал друг мой о хлебе, только что вынутом из печи, о беге на лыжах по следу зайца, о сенокосах, о хождениях за грибами. Кое-что я уже знал, но всегда в дороге хорошо было слышать и тебе тоже известные с детства радости. Собеседников это роднит, сближает, пробуждает новые дорогие воспоминанья.

Деревня Николая Старченко называется Осинкой. Пять лет назад он заманил меня глянуть на родные ему места. В брянских лесах увидел я тощую, но светлую (пить можно воду) речку, увидел дом с шарами желтых осенних цветов под окнами, узнал земляков друга, оповещавших соседей: «Ой, Коля приехал!» Обычная для глуховатых российских мест деревенька, никогда не знавшая богатства, но крепкая обычаями, трудолюбием, привычкой к порядку, с людьми, уверенными, что нет на земле места лучшего, чем это – возле речки Осинки.

В этом году друг мой озабоченно думал, как бы отметить важную дату в жизни Осинки – исполнялось ей в августе 300 лет. Коля рылся в брянских архивах, выясняя родословную деревеньки, а также родословную семьи своей в ней. Узнал, с чего начиналась пограничная некогда с Польшей деревня, узнал, чем и как жила она в разные времена. И явилась человеку счастливая мысль устроить в Осинке праздник и оставить знак памяти о «круглой дате». Что и как собирался сделать – молчал. А недавно взволнованно позвонил: «Мы с сыном придумали кое-что. Очень просим поехать с нами».

И вот мы снова в Осинке. Отец и сын Старченки подружили машину к месту, где прежде я не бывал. У въезда в деревню на взгорке лежал огромный валун, на котором впору, как в сказке, прочесть бы: «Налево пойдешь... Направо пойдешь...» Но были слова на камне другие, извещавшие о возрасте деревеньки. Рядом с камнем поставлен был крепкий из дуба поклонный крест. Снимая у камня отца и сына, узнал я: валун, лежавший где-то в лесу со времен отступления великого ледника, Старченки с помощью односельчан, с немалыми трудностями передвинули к нужному месту, а крест вытесал здешний плотник. В этом месте назначена была встреча тех, кто в Осинке живет и кто, не забыв ее, откликнулся на призывные письма издателя «Муравейника».

Интересно было увидеть, как выглядит сейчас Осинка и чем жива. Тут я должен сказать слова, исполненные печали. Деревенька, как в старину говорили, дышала на ладан. Я с трудом нашел уголок, где можно было сделать «оптимистический» снимок. В Осинке было когда-то полсотни дворов. Сейчас на месте многих растет крапива, другие стоят покосившись, с досками забитыми окнами, в третьих теплится вроде бы жизнь, но лишь в летнее время. «Зимой только из пяти труб идет печной дым», – сказал в уличном разговоре старожил деревеньки. Пять лет назад уже было заметно угасанье Осинки. Сегодня беда на виду. Работы деревенскому жителю нет никакой. Кто помоложе – подались в города, а кто остался, живут в печали – поля не пахутся, богатые в этих местах луга желтеют некошенные. Бурно растут бурьяны, а там, где были недавно пашни, зеленеют березы толщиной уже в руку. Постройки, где мычали еще недавно коровы, стоят без окон и без дверей. Школу в соседней деревне пока не закрыли. Но было еще недавно в ней 187 учеников, сегодня – 18. Как радость небесную ждут в этом году приход на учебу из деревенок-соседок двух первоклашек.

Пока что живое местечко в Осинке.

Полбеда – была бы Осинка исключением в нынешней сельской жизни. К сожалению, картина ее типична. Пустыми стоят деревни в костромских, тверских, псковских, смоленских, калужских землях, где издавна урожаем хлебов не хвалились, но гордились животноводством. Вспомним сыры – ярославские, костромские, вспомним знаменитое вологодское масло. Недавно на пути в полторы тысячи километров от Саранска до истока Днепра мы лишь дважды увидели стада коров. Деревенская жизнь не просто лежит на боку, она брошена, втоптана в землю. Не пашется даже треть черноземов в тамбовских, воронежских, липецких землях. Беда так велика, что мало кто знает, как ее одолеть, о ней, как о безнадежно больном, не решаются даже и говорить. Беда состоит не только в разрушении экономики. С гибелью деревень умирает пласт вековой культуры Руси – привычки, обычаи, нравственность, умение владеть плугом и топором. Исчезают прекрасные песни, еще недавно звучавшие. Все они корнями уходили в деревенскую жизнь. В прошлом году с Николаем Старченко мы заглянули в смоленскую Глотовку. Ничего не осталось от прежней жизни, кроме брошенных изб. На въезде камень: «Тут родился поэт Михаил Исаковский», тот самый, написавший «Одинокую гармонь» и много других прекрасных песенных стихов. Какая гармонь сегодня! – ни собачьего лая не слышно, ни петушиного крика, ни смеха ребенка, ни огонька в окнах, ни дыма из труб. В одной почти опустевшей деревне на Брянщине спрашиваем, разговорившись возле колодца, у девчонки лет пятнадцати: кем она хочет быть? Ответ – хоть смейся, хоть плачь: «Уеду отсюда. И стану фотомodelью». Это телевизор добивает последнее, что еще осталось в деревне.

В час встречи.

При этом растут города. Москва разрослась до размеров чудовищных и бурно расти продолжает, порождая много разных проблем у сбившихся в миллионные кучи людей и становясь уязвимой для множества техногенных бедствий, например, внезапного отключения электричества, порчи воды для питья, не говоря уж о том, что живем мы все в мире хрупком, подверженном распрям из-за той же небрежливо кинутой, беспризорной у нас земли. Тринадцать тысяч деревень исчезли в России за последние пятнадцать лет. Напоминают о них лишь старые груши в одичавших садах, липы и тополя, росшие у домов. В приоритетах проблем, стоящих перед страной и народом сегодня, запустевшие земли – одна из главных и самых сложных. На нее замыкаются и демографические наши проблемы. Шевельнемся ли, осмыслив последствия происходящего? Если нет – судьба не пошлет нам ничего радостного. Японцы, зарабатывая большие деньги в промышленности, платят своим крестьянам за рис в восемь раз дороже, чем стоит он на мировом рынке. Почему? Не хотят, чтобы деревни разучились выращивать рис, чтобы люди покинули землю-кормилицу – мало ли что завтра может случиться. Учиться у японцев надо не только высоким технологиям, но и мудрости не потерять то, что непременно надо беречь.

Николай Старченко и его сын Алексей. Снимок у памятного теперь камня.

На месте уже исчезнувших деревень много раз летом я видел трогательные «съезды» людей, когда-то в них живших. Тянет человека туда, где прошло его детство, где «по тропам бродила юность». Кое-где собираются ежегодно, даже ставят камень с грустной пометкой, что была тут деревня – Сосновка, Березовка, Черемушки. Или вот, скажем, Осинка...

Сошлись и съехались на юбилейную встречу в Осинку те, кем еще держится деревенька. Приехали по письмам-приглашениям Николая Старченко люди издалека – из Брянска, из-под Киева, с берегов Черного моря, пришли из соседних, тоже сирых селений, привели с собой ребятишек. Осинковцы развесили на веревке между березами домодельные скатерти, рушники. Сели все полукругом на скамейках у памятных с этого дня креста и камня. Горячо говорили. Кто бодро: «Прорвемся!» Кто взволнованно, глотая ком в горле. Был хор, вспомнивший песни, которые пели, возможно, в первые годы Осинки жившие тут сторожевые казаки. Пели потом «Одинокую гармонь», «На тот большак, на перекресток...» И все на этом празднике грусти кланялись московскому гостю: «Коля, спасибо, родной! Всех нас собрал...»

Записал я тут строчку стиха, прочтенного местным поэтом: «Еще дрожит листва осинки». Три старушки (все с фамилией Мартищенко – Софья, Марья, Анастасия), сидевшие на скамейке плотно друг к другу и молчаливо, как аксакалы на ящиках с динамитом в фильме «Белое солнце пустыни», слушали всех, вытирая глаза платочками. Спросил: откуда они? Оказалось, здешние. Но уехали недавно в соседнее белорусское село. По Осинке тоскуют. Попросили привезти их на праздник. «А чего же уехали в Белоруссию?» Вздыхают: «Работы в Осинке нема – дети поужжали. И мы за ними. Там и больница есть, лечат...»

Вот такие дела в трехсотлетней Осинке.

• Фото автора. 7 сентября 2006 г.

Синяя Зуша

Окно в природу

Есть места, увидев которые не хочется уходить. Это чувство я испытывал много раз. И вот еще Зуша – речка, текущая в землях орловских и тульских. Увидел я Зушу в летний солнечный день. Синее небо отражалось в воде. По ней плавала белая стая гусей. Пили воду осоловевшие от зноя коровы, рыбак в прорезиненных штанах стоял по пояс в воде. На мои знаки – показать свой улов – он охотно поднял вверх сетку, в которой трепыхалась хороших размеров плотва, язи, окуни. При мне из быстро текущей воды был выдернут еще один сверкавший на солнце язь.

Мы сели с другом на берегу и, слушая августовские погремушки кузнечиков, молчали, наслаждаясь синью воды и неба, округлой зеленью прибрежных ветел, увядающей пестротой луга у поймы. Через реку на сваях положен тут был деревянный мосток, называемый где кладками, где лавами, а на Зуше такие мосты называются ходами. По мостку неторопливо шла женщина с девочкой. Что-то в реке увидели. Мать стала показывать рукой вниз, а девочка легла на мосток – как следует разглядеть, что там в бегущей светлой воде. В который раз я подумал, какое счастье жить в детстве у речки, у озера... Зуша... Что за название? Что оно означает? Вряд ли кто может это нам объяснить. Названья у речек и рек давние, древние. Человеческие поселения часто перенимали эти названья. С ходу вспомним Москву, Енисейск, Воронеж, Донецк... На Зуше много деревенских селений, города два: Мценск – ровесник Москвы и Новосиль – еще более древний, построенный на Зуше еще хазарами как фактория, куда стекалась дань с местного люда, не очень обременительная – «по белице с дыма». Среди селений есть на Зуше особое – Переволочка, название которой означает, что был в этом месте волок – Зуша и один из многих ее притоков соединяли две водные системы – Донскую и Окскую. В древности дорогами по земле служили реки. И небольшая, но и не тощая Зуша была важной ветвью на разветвленном «древе» воды.

В любом месте река ненаглядна.

Зуша была судоходной в те далекие времена. Воды в ней было, конечно, больше, чем ныне, и ходили по реке большие смоленые лодки – парусные и весельные. Позже, в веках XVIII – XIX, ходили тут баржи с хлебом, медом, воском, коноплею и льном. Сейчас на реке тишина. Моторную лодку, по причине дороговизны бензина, услышишь редко, но в каждом селе есть деревянные челноки, с которых ловят тут рыбу и на которых можно, одолевая течение метров в семьдесят шириной, перебраться на другой берег.

Снимки я делал с правого берега Зуши. В этом месте река делит надвое селенье Вяжа. На правом берегу – Верхняя Вяжа, внизу – Заречная. Подъем воды весной на Зуше из-за узости поймы высокий – половодье всегда подступало к порогу заречных домов. Тут, в этой Вяже, кроме телеги, многие имели и лодку. Считали: можно хлеб сеять, а можно жить рыбой. Были потомственные рыбаки, знавшие, как ловить рыбу в быстрой воде, как морозить ее, солить, коптить, вялить и продавать в Новосиле и разносить по селеньям. Такая специализация была столь явственной, что промышлявших на Зуше звали «рыбак». Если заглянуть на местное кладбище, то на могильных камнях можно увидеть чеканное изображение рыбки. Это значит: лежит под камнем «рыбак».

Заречная Вяжа сегодня доживает свой век. Девять домишек прячутся в ивовых кущах (было 300!).

Но среди селян один из последних рыбаков еще жив. Правда, рыбой только сегодня не проживешь. «Рыбак» Алешкин Михаил Григорьевич держит еще и сорок ульев, исправно хозяйствует в огороде (это его дочь с внучкой видели мы на мосту через реку).

О реке Михаил Григорьевич говорит со знанием дела. «Рыба обычная – щука, лещ, язь, плотва, окунь. Но надо знать, когда, какую и где можно взять. Пришлый рыбак и дорогой удочкой ничего не поймает. Я же, если сяду в челнок, без улова не возвращаюсь. Конечно, то, что было когда-то, ушло безвозвратно, но живут еще выдры в реке, значит, и Зуша жива». По здоровью Михаил Григорьевич уже нечасто садится в челнок – «больше маячу на пасеке», но, думаю, детям своим он уже заказал: могильный камень обозначить обязательно рыбкой.

Такая вот капелька нынешней жизни на древней реке, принимающей много притоков, среди которых – холодная, быстрая, чистая Снежать, текущая через Бежин Луг. «А когда сама Зуша с Окой встречается, то еще надо подумать, в какой из рек больше воды». Это, конечно, патристический глас зушанина. Был я на месте, где Зуша впадает в Оку. Конечно, предпочтенье надо отдать Оке, тем более что Зуша тут и кончается, а у Оки – звон какой еще долгий путь к Волге!

На Зушу привез меня старожил этих мест, заместитель директора музея-заповедника Спасское-Лутовиново Владимир Зайцев. А поводом ехать сюда послужила страница особая в долгой истории Зуши. С конца 41-го года по июль 43-го река сделалась рубежом, на котором столкнулись непримиримые силы – германская и наша. Большое сражение гремело на Волге, а тут, на Зуше, стоявшие лоб в лоб противники укреплялись до нужного часа. Наши войска окопались на правом высоком берегу речки. Поросшие травой окопы поныне целы. Повторя изгибы Зуши, тянутся они на десятки километров от верховья реки до Мценска. Немцы были – рукой подать – в Заречье. Заняли высоты и построили бетонированные подземные укрепления. Наши время от времени пытались штурмовать высоты левого берега, но всегда безуспешно. С большими потерями отступали.

Сражение на Курской дуге летом 43-го года обломало крылья немецкого наступления в решающих точках – у Прохоровки и Поньрей, и пришел момент больших контрударов. Один из них нанесен был немцам на Зуше.

11 июля была разведка боем, а ночью отсыпали, не подымая до поверхности воды в Зуше, мосты из камней, невидимые с самолетов, по которым стремительно прошли танки. И 12 июля начался штурм полосы укрепления немцев. «Сеча была велика», – сказал бы летописец далеких лет. «Много полегло тут...» – сказал мне местный краевед Евгений Семенов.

вич Прохоров, уже много лет собирающий для музеев «железо войны» и кости погибших в большую могилу над Зушей. Я видел его находки в музее Верхней Вяжи и древнего Новосиля. Чего только нет! – каски, лопаты, винтовки и «шмайссеры», пулеметные ленты, фляги, штыки, телефонные аппараты, осколки бомб и снарядов, колючая проволока, заржавевшие мины. Потрясает находка трехлетней давности. На одной из заросших бурьянами высоток обнаружили пулеметное гнездо немцев. Из ямы, прикрытой когда-то соломой, выгребли 14 (!) мешков хорошо сохранившихся латунных стреляных гильз. «Можно представить, сколько людей положили два пулеметчика, свившие это гнездо». Сам Евгений Семенович обнаружил и захоронил 234 человеческих скелета. Гибли не только рядовые бойцы. Генерал Леонтий Гуртьев докладывал генералу армии Горбатову об освобождении Орла после прорыва на Зуше. И прямо во время доклада упал, сраженный осколком снаряда. Успел сказать генерал два слова всего: «Кажется, я убит...»

Вполне приличный улов.

В Верхней Вяже на берегу Зуши создан скорбный впечатляющий монумент в память погибших. А помнит ли кто из живущих, как все тут было летом 43-го года? Представьте,

нашел я солдата с одной рукой – Терешкина Василия Васильевича. Будучи артиллеристом, в день штурма он бил из орудия по Вяже Заречной, где вырос, где был его родительский дом и жили родные.

Посидели мы со старым солдатом на берегу Зуши, вспоминая былое и наблюдая серебристые брызги на синей воде от играющих рыб. «Сколько воды утекло с тех давних лет. Вода в день штурма, помню, в Зуше была тоже синей, и плыло по ней много погибшей от взрывов рыбы». Старый солдат закурил, откашлялся: «Зуша – лишь малая часть всего, что тогда сумели мы защитить. Умру я спокойно, если буду уверен: всегда защитим».

• Фото автора. 21 сентября 2006 г.

Его мало кто знает

Окно в природу

Жизнь вездесуща. Различные формы ее приспособлены к самым различным условиям: на земле – в лесах, горах, пустынях, болотах; в толщах воды соленой и пресной; в среде с высокой температурой. Недавно на Камчатке прилетевший туда ученый-микробиолог, показывая нам в Долине гейзеров булькающий горячий «кисель», спросил: «Как думаете, чем он окрашен?» Мы дружно ответили, что коричневый цвет «киселю» дает глина. Оказалось, горячая масса окрашена живущими в ней микроорганизмами.

Толща земли, верхний плодородный слой ее пронизан живой материей, видимой и не видимой простым глазом. Много животных роют в земле убежища – сурки, суслики, мыши, береговые ласточки, зимородки и огромное число насекомых, начиная с ос и шмелей, кончая мухами, муравьями и множеством «бокоёрзиков», видимых лишь в микроскоп. Для некоторых животных пласты земли не только убежище, но и среда постоянного обитания. Причем для животных сравнительно крупных, для крота например. Его знают многие. Некогда существовал даже активный промысел этих маленьких землекопов, из шкурок которых шили модные женские шапочки. И есть у крота подземный сосед, мало кому известный. Несмотря на то что он фактически слеп, поймать его много труднее, чем какого-нибудь зрячего грызуна. Зовут таинственного «шахтера» слепыш. Вот он, этот зверь, перед вами на снимке, сделанном в Курской области в степном заповеднике. Я, признаюсь, видел слепышей только на фотографиях и знаю о них по рассказам и скудным сведениям в книгах, где обязательно в тексте находишь признание: «мало изучен». Что это за невидаль, живущая в относительно теплых краях России и Украины – в бассейнах Днепра, Дона и Волги? Проезжая в этих местах, часто видишь поверх плодородных земель цепочки вытолкнутых на поверхность кучек земли – следы движения слепышей под дерниной. От высоких кротовин эти выбросы отличаются плоской формой. Спрашивал местных жителей: «А видели слепышей?» Очень редко кто отвечал утвердительно.

Четыре огромных зуба выдают завзятого грызуна.

Продельвая свои ходы, часто в переплетенных корнях растений, слепыш очень чуток. Опасность определяет по слуху, хотя ушных раковин у него нет. Глаза же, с маковое зерно, скрыты под кожей. Но слепыш, возможно, как-то отличает день от ночи – активен почти всегда в потемках, отчего увидеть его и поймать крайне трудно. Величина зверя невелика, но все же он покрупнее крота – двадцать или чуть более сантиметров. Одет в теплую шубку с густым мягким мехом желтовато-пепельного окраса. Форма тела исключительно хорошо приспособлена для житья под землей. Оно вальковатое, с большой уплощенной головой, на которой в глаза бросается темного цвета мясистый нос, что свидетельствует о том, что слепыш хорошо ориентируется в запахах. Самая заметная деталь в его облике – две пары могучих, выдвинутых вперед резцов завзятого грызуна. В отличие от крота, роющего свои «штольни» мощными передними лапами, слепыш выгрызает ходы в подземелье зубами. При этом в большую пасть его земля не попадает – губы справа и слева смыкаются, рот закрыт, но зубы работают, причем так энергично, что землекоп буквально исчезает под землей, если, застигнутый на поверхности, он оказался в стороне от норы. Вгрызаясь в землю, слепыш уплощенной головой, как лопатой, отбрасывает ее вверх, а потом земля сыпается вниз. Когда ее наберется много, слепыш разворачивается в подземном тоннеле и, как бульдозер, двигает землю назад и вверх. Когда расстояние для транспортировки земли становится уже большим, грызун роет новый выход к поверхности и продолжает работу. Сам на поверхность выходит исключительно редко. Солнечный свет не любит, но временами возникает потребность погреться, и тогда слепыш являет себя надземному миру. Держится осторожно, полагаясь на слух. От опасности убегает «со скоростью крысы». Помнит вход в подземелье и каким-то чудом находит его. А если от входа значительно удалился, стремительно погружается в землю. Окажется рядом с водой – уплывает и опять ищет спасенье в земле.

Подземная его территория имеет жилую просторную резиденцию на глубине до трех с половиной метров. Это больше расстоянья от пола до потолка в нынешних наших жилищах. С такой глубины никто слепыша не достанет. От резиденции вверх и в стороны расходится больше десятка радиальных ходов, по которым слепыш путешествует, осваивая кормную территорию. Казалось бы, ставь ловушку на этих ходах, и слепыш будет пойман. Но землекоп каким-то образом чувствует даже хорошо замаскированную западню и либо

забивает ее землей, либо делает обходную «штольную». Какую-то роль в этом, несомненно, играют жесткие остевые волосья на морде, голове и спине. Ненужный слепышу хвост превратился в рудиментальную «бородавку».

Работа землекопа требует колоссальной энергии и, стало быть, добротной еды. Сосед слепыша – крот питается исключительно мясом: ест дождевых червей, насекомых, иногда из норы вылезает и ищет добычу в траве. Слепыш обходится только растительной пищей – корнями растений, луковицами и клубнями, например картошкой. По этой причине землекоп является неприятным соседом для огородников, бороться с которым весьма непросто.

Кладка ящерицы в рыхлой земле выбросов слепыша.

В зимнюю спячку слепыш не ложится, запасая питание впрок, и продолжает его добывать, неустанно дырявя землю иногда совсем близко к поверхности прямо под коркой дерна.

Большие кучи рыхлой земли, поднятой наверх и хорошо прогреваемой солнцем, привлекают кое-какую живность. В «терриконах» кротов селятся мелкие луговые муравьи, а в отвалах слепышей откладывают яйца ящерицы. В степном заповеднике, раскопав прогретую солнцем кучу рыхлого чернозема, мне показали такой экзотический инкубатор. Легко прорастают в кучах рыхлой земли разносимые ветром семена растений. Год-другой, и куча земли превращается в «волосатую» кочку.

Слепыши, как и кроты, исключительные индивидуалисты – в своих владеньях посторонних не терпят. Размножаются они медленно. В отличие от других грызунов в год приносят только одно потомство – двух-трех голых крошечных слепышат. Кормит их мать в гнезде, выложенном мягкими гибкими корешками растений. Растут слепыши скоро и, начав добывать под землей корм, отделяются от родителей, обзаводясь своей территорией с ходами, достигающими в целом почти трехсот метров.

Слепышей на земле несколько видов. Образ жизни, как пишет Брем, у них схожий, разнятся только величиной и окраской. Гигантский слепыш – землекоп размером с мужской ботинок. Выдвинутых вперед гигантских зубов следует опасаться. Не видя обидчика, он изворачивается и кусает все подряд, до чего ухитрится дотянуться. Живут гигантские слепыши вокруг Северного Прикаспия – от Махачкалы до Астрахани.

Будучи в Южной Африке, я узнал, что и там, у самого мыса Доброй Надежды, обитают экзотические землекопы. Их там не любят не столько за порчу растений, сколько за норы, в которых, оступившись, лошадь и человек могут сломать ногу.

Вот такие они, обитатели подземелий. Брем называет их «неполезными, безобразными». Но это точка зрения человека, у Природы же нет пасынков, все для нее – любимые чада.

- **Фото В. Пескова и из архива автора. 28 сентября 2006 г.**

2007

Любовь – Камчатка

Окно в природу

Морской орел

Когда плывешь по реке Жупанова, то и дело видишь силуэт большой птицы на каком-нибудь дереве возле воды. Птицы эти чувствительны к беспокойству и, хотя тут привыкли к рыбацким лодкам, при их приближении взлетают. Летят, однако, недалеко – до ближайшей присады. Птица эта так тяжела, что низкий машущий полет для нее труден. Даже очень широким крыльям нелегко удержаться в воздухе летуна в восемь или даже девять килограммов весом. Изучающие птиц орнитологи утверждают: этот летун способен продержаться в воздухе при машущем полете за день не более тридцати минут. И, будучи рыболовом, птица селится возможно ближе к воде, иногда прямо у обрыва к реке, озеру или морю. Подымаясь высоко вверх, тяжеловес на широких, размахом почти в три метра крыльях легко парит в восходящих потоках воздуха и является украшением неба Камчатки.

Речь идет о замечательной птице дальнего востока Азии – белоплечем орлане, живущем, кроме Камчатки, на побережье Охотского моря, к востоку от Магадана, в низовьях Амура, на Сахалине. Зимовать орланы улетают на Курильские и Японские острова. Но с Камчатки не улетают – находят пищу для себя около океана, у незамерзающих ключей и речек. Общая численность этих птиц, гнездящихся только на территории нашей страны, лишь чуть превышает пять тысяч особей.

Придержав лодку, в бинокль орлана можно хорошо рассмотреть. Первое, на что обращаешь внимание, – пятна белого оперения на плечах. Белый у орлана и хвост, а также «штанишки» на верхней части прогонистых ног.

Белые пятна в оперении имеют почти все виды орланов – белоголовый орлан в Америке, белохвостый – в средней полосе Европы и Азии, орел-ликун в Африке имеет белую грудь, голову и часть туловища. Белые пятна – это родственный знак этих птиц, видимо, важный и при образе жизни их возле воды, помогающий, можно предположить, метить гнездовые территории – «Вот я, заметный, на страже. Пролетай мимо!». Что касается охотничьих территорий, то границы их у орланов в отличие от орлов не жесткие. Близость родичей они терпят. Даже гнезда их часто соседствуют. А обилие корма в каком-либо месте собирает орланов в большие стаи. Орнитолог Евгений Лобков рассказывал мне, какое зрелище представляло собою общество четырех сотен птиц на камчатском Курильском озере во время зимовки 1990 года. Или вспомним ежегодный «слет» белоголовых орланов на нерестовой, незамерзающей речке Аляски, где, почти касаясь плечом друг друга, орланы ловят лососей.

Вольная жизнь у реки.

Орланов иногда называют орлами, но это разные группы птиц. Одна из них повсюду тяготеет к воде. Орлана белоплечего Брем, посвятивший ему из-за малой известности всего полстраницы в своих замечательных книгах, назвал «морским орлом».

Особо приметная часть этого великана – громадный, хищно загнутый оранжевый клюв. Специалисты считают: без подобного «инструмента» орлану трудно было бы разорвать шкуру молодых нерп, на которых они охотятся на морских побережьях. Ловят орланы также молодых лис, соболей, зайцев, могут утащить щенка у собаки, ловят на воде уток, не брезгают падалью. Но главная их добыча – рыба. Щуки и караси в пресной воде Амура и лососи в нерестовых реках океанского побережья. Особо охотно с поверхности воды берут они рыбу ослабшую или раненную, например, нерпами. В отличие от скопы за рыбой орлан не ныряет. Но, случается, сильная жертва увлекает охотника в воду. Он, конечно, бросает добычу, но невольно вынужден искупаться. Пловец в отличие от водоплавающих птиц орлан никчемный и, попав в переделку, «становится похожим на большую мокрую курицу». Однако присутствия духа он не теряет, распустив крылья, неуклюже работает ими, как веслами, и почти всегда добирается к спасительной суше.

На отмелях океана орланы подбирают все съедобное, что выкидывает вода на берег. «Иногда в азарте охоты с поверхности океанской воды орланы уносят мокрые шапки, кеды, мятые пластиковые бутылки. «Такую «добычу» часто находишь под гнездами орланов, а иногда и в самих гнездах», – рассказывает орнитолог Владимир Мастеров, уже почти двадцать лет изучающий жизнь интересных дальневосточных птиц.

Гнездо орлана – громоздкое сооружение из разной толщины веток. Служит такое гнездо хозяевам долго. Но по какой-то причине сооружают орланы не одно, а два-три, до семи гнезд – целый жилой поселок.

Почему это происходит, не вполне ясно. Ранней весной, вернувшись с кормных местечек зимовки, пара птиц выбирает одно из гнезд. Ремонтирует его или достраивает. Остальные гнезда пустуют (возможно, «проветриваются» для избавления от кровососов и пухоедов). «Изучая образ жизни орланов, я нередко спал в этих гнездах либо спасался от комаров», – рассказывает Владимир Мастеров.

А в жилом гнезде к началу лета уже просят еды у родителей один-два, иногда три птенца. До возраста взрослой птицы (свидетельством этого являются белые пятна в ее оперении) через семь лет доживает один, изредка два питомца орланов. Уже в гнезде они иногда погибают. Их может прикончить соболев, забавляясь, на них по очереди пикируют черные в этих местах вороны. На Амуре, по наблюдению Владимира Мастерова, птенцы орланов в последние годы становятся жертвами медведей. Подобно тому как разоряют медведи пчелиные борти, тут охота идет за птенцами. «В последние годы половина из осмотренных гнезд оказалась ограбленной молодыми медведями. Ранее этого не наблюдалось. Случайная добыча, возможно, родила специализацию. А это уже пример для других».

В Московском зоопарке.

«Любопытно, что взрослые птицы, находясь поблизости, всегда остаются безучастными к судьбе гнезда. Даже простого беспокойства не проявляют».

Существуют опасности и для птиц взрослых. Охотники, разозленные ограблением капканов (орланы разрывают попавших в них соболей), почти повсеместно стреляют в без вины виноватых орланов. Еще беда – отравления. На зимовках в Японии орланы находят падаль (убитых, но не взятых стрелками оленей – есть такая традиция в здешней спортивной охоте) либо птицы находят погибших подранков. Жадно поедая мясо, орланы глотают дробь и смятые пули. Поразительно много орланов погибают от свинцового отравления. По данным самих японцев, подобная гибель птиц – не редкость: за восемь лет – около двух сотен. Добавим сюда потенциальную опасность разливов нефти в местах, где орланы охотятся, и мы почувствуем, на каком ветру горит сейчас свечка, зажженная Природой многие тысячи лет назад.

Озабоченность судьбою прекрасной птицы заставила занести орланов на страницы Красной книги и предпринять попытки создать резервную популяцию птиц в неволе. Задача

была непростой. Первыми ее в 80-х годах решили в Московском зоопарке – был получен приплод от пары орланов. Следом таких же успехов добились в зоопарках Алма-Аты, Новосибирска и Таллина. Совершенствуется опыт размножения птиц в неволе. И в этом есть некоторая гарантия уберечь их в природе в случае каких-нибудь катаклизмов.

О тех, кто бегает, плавает и летает

Камчатка была когда-то островом. Все живое формировалось тут при влиянии этого фактора. До сих пор число видов животного мира заметно ниже, чем на материке. Но, с другой стороны, островная и даже полуостровная жизнь предполагает некоторое измельчание животных. На Камчатке же, наоборот, многие ее обитатели крупнее материковых. Объясняется это обилием пищи. Ею является рыба, доступность летом ее для всех. Завзятыми рыболовами считаются медведи. И нигде, кроме еще Аляски (тоже обилие рыбы), нет таких крупных зверей, как на Камчатке. Рыбу умело ловят также и волки, лисы, россомахи, выдры, соболь, норки. Весь прибрежный мир птиц – орланы, бакланы, чайки, топорки, кайры – кормится рыбой. Не бедствуют и травоядные: лоси, олени, зайцы, ондатры, бобры – зеленый покров полуострова очень богат.

Поселенцы с Алтая.

Триста лет назад землепроходцы в своих «скасах» (отчетах) о неведомой раньше земле перечислили почти всех названных выше животных, особо выделяя, конечно, пушных. В те времена соболь, лиса, песец, горноста́й были главным «двигателем» продвижения людей по Сибири до океанского побережья. Вслед за открывателями земель (а иногда и вместе с ними) шли мастера звериного промысла – Москва требовала соболей, бобров и «моржового зуба». (Бобром в то время по ошибке считали морскую выдру калана.) Естественно, численность этих зверей на Камчатке стала стремительно убывать. Моржи изначально водились по всему побережью до южной оконечности полуострова. Сейчас появление их даже на северных островах – редкость. Почти полностью истреблены были каланы (сейчас число их медленно возрастает). И соболь был почти полностью «выбран». Только решительные меры в годы существования СССР сделали соболя на Камчатке снова объектом промысла.

Любопытна зависимость численности одних животных от присутствия рядом других. В тундре всех кормят и побуждают плодиться лемминги – мелкие грызуны. В годы высокой численности леммингов благоденствуют и плодятся волки, лисы, песцы, полярные совы. Исчезли лемминги (это случается с постоянством четкого ритма) – вся ткань северной жизни заметно редет. На Камчатке не было рысей. Появились они с Чукотки недавно в год необычайно высокой численности зайцев. Появились и прижились. Число их небыстро растет. Одну из рысей любопытство привело даже в Петропавловск, на шумную улицу. Ее пришлось ловить и отвозить в лес.

Не было на Камчатке белок. Появлению их препятствовал соболь. Резкое убывание этого хищника открыло дорогу зверьку с Чукотки. Сейчас все пришло в равновесие – белки, рыси, зайцы и соболи нашли свои ниши для жизни, близко друг с другом соседствуя.

Ученые считают, что превращение Камчатки из острова в полуостров породило этот процесс заполнения пустующих ниш и человек в этом процессе может (обдуманно) принять участие.

Выпущена и хорошо прижилась тут норка. Способствовало этому обилие рыбы. Как и везде, нашла для себя приемлемой среду обитания «большая американская крыса» – ондатра. Лося не было на Камчатке. С Чукотки не мог он проникнуть из-за преграды больших пустынных болот, где крупному зверю, склонному к расселениям, совершенно нечем было кормиться. В 70-х годах прошлого века было решено лося с Чукотки переселить. Это была хорошо осмысленная и четко выполненная программа. Лосей на западных границах болот ловили, обездвиживая с вертолета легкими пулями, снаряженными специальным химическим препаратом. А дальше – тысяча пятьсот километров пути по воздуху и выпуск зверей в лесной долине реки Камчатки. За пять лет таким образом «десантировано» было полсотни лосей. Они сразу же хорошо прижились. Сейчас на полуострове их больше двух тысяч.

Этот успех заставил подумать о поселении тут и оленей. Северные олени на Камчатке жили всегда. Теперь завезены маралы с Алтая. Я побывал в местечке у огороженной территории близ поселения Мильково. За акклиматизацией «алтайцев» наблюдает специально переселившийся к их загону охотовед Юрий Пономарев. У него за плечами бесценный опыт переселения лосей, и он уверен: «Олени, как и лоси, обязательно приживутся».

Не было на Камчатке бобров. Этих переселять было легче. Выбрали зверей канадских – они лучше, чем европейские, приспособлены к условиям севера. Были сомнения: «Перегордят плотинами нерестовые речки...» Но посчитали: лососи легко эти препятствия преодолеют, как преодолевают они пороги и водопады. Так все и случилось. Бобры сейчас живут на Камчатке, как будто извечно тут жили.

И еще один новосел с материка числится на Камчатке – воробей. Этих спутников человека тут не было. Первая партия прибыла «нелегально» в трюме морского судна, перевозившего пшеницу из Владивостока.

Камчадалы ахали от удивления, увидев оживленную стайку милых переселенцев около городской мельницы. Думали, что померзнут зимой. Нет, выжили и загнездились. Для пополнения этой самой дальней воробьиной колонии кто-то привез из Москвы еще четыре десятка птиц. Как удалось сосчитать, не ясно, но полагают, что Камчатку обживает сейчас тысяча воробьев. Удивительный факт: расселяясь, они добрались до охотничьих хижин в лесах. Какой компас указывал им дорогу к избушкам? Легко понять радость охотника, когда в морозный день у избушки его чириканьем встречает парочка неунывающих птиц.

Случается, на Камчатку ветры заносят и экзотических летунов. Однажды тут видели черного лебедя, живущего в Австралии. А белоголовые орланы с Аляски – гости нередкие. Погостил и вернулся домой – с одного полуострова до другого рукой подать...

И немного о маленьком чуде, живущем в краю довольно суровом. Этого старожила Камчатки, распространенного по всей Евразии, зовут углозубом. Похож он на крокодильчика величиною с на четверть источенный карандаш. Не будем дальше интриговать, это четырехпалый тритон. Знаменит он тем, что в отличие от змей, ежей и лягушек приспособился жить на Камчатке, где морозы под 40 градусов – явление обычное. Живет тритон скрытно. В летнее время ловит червей, пауков и разных козявок, а зимует в трухлявых, гниющих дуплах возле воды. Никакой шубы, никакого привычного для других утепления у этой героической личности нет. Частенько морозы превращают углозуба в ледяшку. Но чуть пригрело – оттаял, шевельнул лапками и смотрит – чего бы поесть. Замерзание этот тритон переносит без всяких плохих последствий. Объясняется это тем, что в теле тритона к зиме накапливается глицериноподобное вещество, не дающее образоваться кристаллам, разрывающим замерзшее тело. Вмерзнув в лед, тритон остается живым. В Сибири однажды нашли углозуба в глыбе мерзлоты, образованной (специально исследовали!) около ста лет назад. Когда мерзлоту растопили, тритончик ожил. Вот такие чудеса существуют в тайниках у Природы!

От моржей, китов и медведей до чудесного неприметного, нежного телом тритона – таков диапазон жизни на полуострове, омываемом океаном. Жизнь эта по меркам лет, исчисляемых сотнями миллионов, молода и, надо это хорошо понимать, хрупка. Сообщество многих живых существ легко погубить невиданным раньше натиском человека. На Камчатке для крайнего ее обеднения довольно истощения рыбных богатств. Если порушить эту «несущую конструкцию» всего храма здешней природы, полуостров в пустыню, конечно, не превратится, но это будет означать конец экономики края и деградацию всего живого, что пока еще радует человека.

Грустные эти мысли возникают сейчас не потому только, что ловят и увозят десятками кречетов на продажу, не только потому, что бесконтрольно стреляют медведя, выбивая самых крупных из них. Больше всего беспокоит почти на всех больших и маленьких речках рыболовное браконьерство. Это тот самый случай, когда рубят сук, на котором сидят. Одни рубят, чтобы хоть как-то выжить, другие – разбогатеть. Для Камчатки сегодня это серьезная и большая проблема.

Край света

Вертолет не пришел. Сидим, привалившись спиной к рюкзакам. Грустная тишина в горах. Пахнет старым костром. Летом тут была, наверное, самая неустроенная, самая дальняя на всей земле туристская база. Это место больших ветров. Березы на склонах к самой земле нагнулись и не распрямились – так и растут, наклонив головы, узловатые, кора не белая, а смугло-коричневая. А сегодня тишина. Душу щемило от такой тишины.

- Сколько придется ждать вертолета?
- Может, три дня, может, недели три...
- Сколько до Жупанова?
- Около ста.
- Горы?
- Все время.

Решаем идти, и сейчас же... Тропа идет по березам. Лес прозрачный. За сотню шагов видно рябины. Листья на маленьких деревцах опали, сияют красные ягоды. Тут, на Камчатке, рябина особенная, крупная, как вишня, без горечи, вкуса мягкого, кисловатого яблока.

Этажи береговой жизни.

Временами мы не бежим, прямо катимся вниз по тропе. Идет дождь. Спина сухая только под рюкзаком. Идем, идем – океана все нет. И наконец, видим просветы...

Какой неприветливый и сердитый Тихий океан. Рваные тучи, белые хлопья пены висят на камнях. Океан темным лохматым горбом поднимается к горизонту. Еще восемь километров по берегу, а там большая река – надо вброд переправиться и на том берегу разыскать землянку. За пять часов мы отмахали тридцать пять километров – по семь в час...

В моей жизни это был самый неудобный ночлег. Мы подошли к реке и по шуму воды поняли: сегодня не видать нам землянки на том берегу. Фонарик осветил черную литую воду. До океана оставалось каких-нибудь пятьсот метров, и река бешено катится к низу. Луч фонарика иссякает где-то на половине реки.

Молчим. Несколько дней назад через такую же реку переправлялись на лошадях муж и жена – вулканологи. Одну лошадь свалило течением. Сама лошадь кое-как выбралась, а всадницу даже найти не могли.

Тут у опасной реки придется заночевать. В зарослях тальника и ольшаника ощупью готовим дрова (хорошо, топор догадались взять), дерем бересту. Удивительно – мокрые дрова разгораются.

Дождь, сушиться нет смысла. Хотя бы согреться. Глотаем обжигающий губы чай. Греем над костром спальные мешки и лезем в них... Влажные, пахнут дымом.

Ночью поднялась буря. Кажется, океан подкатил к берегу сотню орудий и бьет-бьет частыми залпами по прижавшимся друг к другу людям. Удар – и обвалы воды. Смешанный с дождем ветер сорвал с нас брезент, навалился на жидкий ольховый лесок. Что-то ломалось и падало в темноте. Свист. Тяжелые глухие удары. И ничего нельзя сделать: ни побежать, ни закричать, только плотнее друг к другу...

Чуть просветлело, увидели – лежим почти на острове, река вышла из берегов. Как же переправляться?..

С огромным риском, обвязавшись веревками, со страховкой на берегу все-таки переправились.

Впереди у нас день и пятьдесят километров пути по горам около океана. В рюкзаке завернутая в клеенку лежит у меня книжка. Эту книжку читал еще Ломоносов. Пушкин с великим интересом прочел и даже законспектировал. Степан Крашенинников. «Описание земли Камчатки». Достāju книгу и обвожу ногтем строчки как раз о тех километрах земли, которые надо пройти. «По всему восточному берегу нет пути более трудного... Места гористые и лесистые. Подъемов и спусков столько, сколько речных долин. Кроме крутизны склонов, следует опасаться и того, чтобы с разбега о дерево не удариться. Это грозит большой опасностью для жизни». Двести с лишним лет назад прошел по этому берегу Крашенинников. Для земли это ничтожно малый срок, чтобы перемениться. Все те же подъемы, от которых стучит в висках, и спуски бегом между гнутых берез. Неглубокие шумные речки переходим по бревнам и вброд. Мокрая лиса впереди нас бежит, ищет трофеи после отлива. Нас почти не боится. Что-то нашла, разгрызает, повернув голову набок...

Все-таки мы прошли эти пятьдесят километров у океана. И увидели к ночи огни Жупанова...

Это все записал я в 1965 году, когда первый раз прилетел на Камчатку. А в этот раз мы специально побывали на побережье – «помыть ботинки» в океанской воде и как следует оглядеться.

Дары океана.

Восточный берег Камчатки почти везде живописен. Он высок и резко обрывается у воды. Кое-где уступает он океану высокие скалы. На гребне их почти всюду видишь черные силуэты бакланов, ниже их – чайки, на пиках-кекурах любят гнездиться орланы, у самой воды на камнях лежат сивучи. Это все постоянные обитатели побережья. А со стороны суши сюда наведываются те, кого океан подкармливает.

С огромных пространств океан приносит и оставляет на берегу массу всего съедобного и несъедобного. Тут оседает мусор – горы рваных рыболовных сетей, стеклянные поплавки-кухтыли, бутылки, бочки, канистры, веревки, доски, иногда разбитая лодка – все, что теряют или бездумно бросают в океан люди.

Животных привлекает на берег всякого рода корм: мертвые, погубленные штормами птицы, съедобная морская капуста, а в ней еще всякая мелюзга – моллюски, черви, морские ежи. Но больше всего едоков привлекают мертвые нерпы (часто погибшие в рыболовных сетях), моржи, сивучи, а изредка и киты. Кому служит эта дарованная океаном еда? Прибрежную полосу суши регулярно посещают все, кого гонит голодный желудок. У воды держатся и постоянно патрулируют побережье не брезгающие падалью орланы. Вечно голодные песцы оставляют следы на мокром песке. Лисы – вроде вот этой – роются в морской капусте, ищут мертвую рыбу. Падальщица россомаха непременно что-нибудь находит на берегу, олени приходят к воде полизать соленую землю. Но полный хозяин на побережье, конечно, медведь, особенно в голодную пору после спячки зимой. Неторопливо, разгоняя своим появлением всех, кто прибыл раньше него, идет медведь по песчаной отмели, обнаженной океанским отливом, и подбирает все, что может утолить голод. Случается, медведь-шатун, не легший в берлогу, ищет прокорма. Но морская капуста его не спасет. Другое дело, если на берег океан выбросит моржа, а лучше кита. Тогда у горы мяса собираются все алчущие. Медведь мелюзгу вроде лис и песцов прогоняет, но те ждут часа, когда «хозяин» поживы набьет живот и ляжет где-то поблизости спать. Но медведь при удаче старается кое-что запасти. Известен случай: зверь обнаружил погибших в рыболовной сети молодых нерп. Это был подарок судьбы. Одну нерпу зверь тут же, на побережье, сожрал, а восемь других «складировал» в прибрежном лесу, где спугнули его охотники.

Китов океан выбрасывает на берег нечасто. Если это случается, то всем еды достает. Однако и этот подарок судьбы медведи «приватизируют». Чаше хозяйствует тут не один, а сразу несколько едоков, уступая первенство «за столом» самому сильному.

Лет двадцать назад получил я письмо с Чукотки, из поселка Биллингса. В этом краю белых медведей туша кита собрала четыре десятка (!) зверей. Три недели, не сильно ссорясь, медведи пировали у горы мяса. Поедят, отоспятся и, прогоняя вороватых песцов и воронов, снова собираются возле еды. Когда от кита остались лишь кости, орава зверей пришла в поселок и, принявшись, стала ломиться в амбары с запасами рыбы и оленьего мяса. Легко представить, что испытали при этом нашествии люди. Белый медведь сейчас находится под охраной закона. На материк по радио передали просьбу поугаать разбойников выстрелами. Пальба – без жертв с обеих сторон – сняла осаду с поселка. Медведи нехотя разошлись, но долго еще у места их пира крутились песцы и вороны.

На таком берегу люди выглядят муравьями.

Часа два провели мы у берега, «на краю света», прощаясь с Камчаткой. Утро в тот день было тихое, солнечное. Океан катил к суше пологие, остекленевшие волны. Мы шли, разглядывая ночные следы на мокром песке. Десятка два куличков небоязливо рылись в оставленном приливом мусоре. Низко, повторяя очертания берега, в дозорном полете проследовал белоплечий орлан. Резвый ворон игриво пикировал на тяжелую птицу. Но орлан летел, будто не видя его. Отсветы солнца ярко искрились там, где вода разбивалась о камни. Океан к горизонту уходил пологой горой. В синеватой дали мелькали белые хлопья чаек и виднелся дымок – к Петропавловску шло какое-то судно. На часах было девять часов утра, а в Москве часы в это время пробили полночь, до нового дня там было еще далеко.

До свидания, Камчатка! Всегда радость – видеть тебя.

• Фото автора. 8 февраля – 22 марта 2007 г.

Наперсток с хвостиком

Окно в природу

Среди мышей – домашняя, полевая, лесная – есть еще немногим известная мышь-малютка. Впервые ученый глаз заметил ее в Сибири в послепетровские времена. Академик Паллас точно мышь описал и удачно зарисовал. Но не сразу сообщения академика стали известны натуралистам. А число их росло. Из многих европейских равнинных мест стали поступать известия: «Обнаружено новое животное!» Но скоро поняли: везде это была мышь-малютка. Встречали ее на хлебных полях, но чаще возле болот в кустах, камышах, тростниках. Великий Брем, познакомившись с мышью, был очарован «милым созданием» и пропел ему гимн восхищения в своем знаменитом труде. А вслед за Бремом каждый натуралист, познакомившись с мышью, считал долгом сказать о ней доброе слово.

Все мыши – существа симпатичные (непонятно, почему так боятся их дамы). Но репутацию этому шустрому народцу портит способность, обретаясь возле людей, покушаться на съестные припасы. («Не столько съедят, сколько попортят», – говорила моя бабушка, запирая на ночь в чулане кошку.)

Мышь-малютку, теперь известно, можно встретить в хлебном стогу, в амбаре или сидящей на стебле пшеничного колоса, обернув его хвостиком. Но я ни разу не слышал, чтобы эту крошку кто-нибудь обругал. Возможно, причина этого – крайняя малость мыши. «Наперсток с хвостом», – говорил мой приятель. И еще потому, что все же нечасто она попадает на глаза и всегда удивляет увидевшего. Подозреваю, сам я видел малютку, но принимал не за взрослую мышь, а за «ребенка», еще не успевшего вырасти. Подтверждает это недавняя встреча с немаленьким царством милых созданий.

Но сначала соберем в букет все восхищения мышью. Во-первых, очень красива – рыжевато-бурая с белым брюшком. Сразу внимание на себя обращают острая мордочка и гибкий послушный хвост, помогающий мыши взбираться на ветки кустов, на тростниковые стебли и даже на стебли хлебных колосьев. Испуганная, она прыгает вниз «без парашюта» и немедленно резво скрывается – поймать ее стоит большого труда. Не боится малютка воды и хорошо плавает. Кормится, как все мыши, семенами злаков и диких трав, но ловит и насекомых. Зиму проводит под снегом. Если холодно – спит, потеплело – принимается за еду, что побуждает делать заготовки на зиму.

Брема особо очаровало жилище мышки. У ее более крупных сородичей это обычно норка, ведущая в подполье, а в лесу и на пашне – земляное убежище. Малютка же, как птица, строит гнездо над землей – на ветках кустов и всякого рода стеблях. По незнанию ее домишко и принимают за птичий, причем сооруженный очень искусно. Среди птиц есть особые мастера-гнезδοстроители, например африканские ткачики или наша синица ремез. Так вот, в умении строить жилища малютка мышь, лишенная клюва, ставится в ряд птиц-мастеров. Постройки ее (уже опустевшие) встречал я не раз. Представьте узкий длинный лист тростника. Мышка его протаскивает через гребешок острых, как иглы, своих зубов. И в ее лапках оказываются прочные податливые нити. Из них она и строит гнездо, переплетая их так умело, что образуется легкий и прочный шар с боковым лазом в него. Сунув в шар палец, чувствуешь прочную мягкую «штукатурку» из пуха болотных растений и ворсинок с сережек ивы.

На тонком прутике этот акробат лазанья чувствует себя вполне уверенно.

Сооружение это следовало бы назвать родильным домом, ибо оно покидается, как только восемь или девять мышаток, в самом деле похожих на наперстки с хвостами, станут способными видеть, двигаться и кормиться. До этого мать, покидая на время гнездо, заплетает растительными волокнами лаз в него так, чтобы мышата ненароком не выпали.

За лето и осень мама-мышь приносит три выводка. Растут мышата скоро, и наступает момент, когда мамаша весь выводок сразу выводит на свет. Сей процесс много раз видел наблюдательный Брем. Дадим ему слово.

«Это одна из самых привлекательных семейных картин из жизни млекопитающих. Как ни ловки уже молодые мышата, они еще нуждаются в некотором обучении и очень привязаны к матери, перед тем как начать самостоятельную жизнь, полную разных опасностей. Вот одна из малюток взбирается по одной, другая по другой соломинке, третья писком просится к матери, четвертой хочется молока, пятая чистится, шестая уже нашла зернышко, держит его передними лапками и пытается грызть... Центром всего является добродушная и умелая мама. Она наблюдает и охраняет сообщество, с которым скоро расстанется».

А теперь о недавней встрече с нашей героиней, да не с одной, а с целым царством мышей-малюток на одном из необрунных кукурузных полей. В декабре из Рязани мне позвонил друг: «Помнишь, говорили о маленькой мыши? Приезжай, увидишь их сколько угодно».

Километрах в двадцати от Рязани, у поселка Жилые Дома, то ли забыли, то ли поленились убрать кукурузу с довольно большой полосы. Желтые стебли ее унижены были початками зерен и шуршали на ветерке. Уже недели четыре стояло пугавшее всех тепло. «Середина декабря, а вороны начали строить гнезда, ямщиком по-весеннему свистит поползень, ухают по ночам совы, началось сокодвижение у берез», – сообщил накануне приятель из Окского заповедника. Неурочное тепло, возможно, и стало причиной скопления мышей

в кукурузе, но только мышей-малюток, умевших лазать вверх по стеблям. Скопление это было замечено: по желтым зарослям кукурузы ходили с фотокамерами трое подростков. И мы тоже с ходу начали фотографическую охоту.

Мышей можно было увидеть повсюду – темными шариками они пробегали у нас под ногами. Но поймать бегунов было трудно. «Откуда берутся?» Друг, улыбаясь, поманил меня пальцем и показал глазами на упакованный в жухлые листья початок. Чуть отвернув один лист, я увидел в уютном убежище мышь. Ее застали мы за обедом – половина янтарных зерен початка была уже съедена. Из-под протянутой к ней руки мышка прыгнула сверху и была такова. Вторая попытка поймать окончилась так же. Тогда тактику мы изменили. Заметив «жилой початок», подносили снизу к нему пакет из пластика, и мышь прыгала прямо в него. Таким образом наловили мы десятка три едоков и стали пробовать их снимать, усаживая на кукурузные стебли, на сухие прутья полыни. Глянув сверху на землю, большинство пленниц без колебания прыгали вниз и исчезали в «кукурузном лесу». Сажали очередную. Некоторые оглядывались, обезопасив себя от падения обернутым хвостиком на присаде. Других привлекал блестящий глаз фотокамеры. Объектов съемки было сколько угодно, но пленка имеет свойство кончаться, и мы выпустили маленьких пленниц на волю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.